Аромат крови

Автор:
Антон Чиж

Аромат крови

Антон Чиж

Родион Ванзаров #3

«Аромат крови» – новый роман увлекательной серии детективных расследований сыщика Петербургской полиции Родиона Ванзарова и его друга-криминалиста Аполлона Лебедева. Эти двое неразлучны – как знаменитые Шерлок и Ватсон. Ванзаров молод и горяч, Лебедев – умудренный опытом циник, готовый всегда прийти на помощь своему юному коллеге в самых сложных и опасных ситуациях.

…Конкурс красоты – особенно в Петербурге конца XIX века – это не просто состязание среди самых неотразимых модниц, но жесткая борьба за власть и деньги. Трагически погибнув, отец семейства оставляет своим дочерям и супруге огромное состояние – промышленные предприятия, прославившиеся на всю Россию своими кремами, помадами, духами. Унаследовав несметное богатство, женщины начинают опасную игру, ставка в которой – вечная молодость и юность. Какую цену готов заплатить Ванзаров за то, чтобы прервать череду жестоких смертей?

Антон Чиж

Аромат крови

Не всех природа равно оделила, и красота к тому же – редкий дар. Если бы все люди или даже большинство были красивы, тогда бы не было преимущества

красоты и жизнь стала бы скучна. Стоит лишь внимательно приглядеться к окружающей жизни, и мы увидим в ней такое же поклонение красоте всеми средствами, как и борьба из-за золота. Без красоты сегодня немыслимы ни брак, ни любовь. Если любовь – жизнь, то уход за красотой – кровь, которая ее поддерживает.

Золотая книга женщины. Варшава, 1896

17 октября[1 - По старому стилю. По новому стилю 30 октября.]

Влажные средства наносят на кожу при помощи мягкой кисточки, дают просохнуть и избыток стирают платком. Их опытные люди почти никогда не употребляют для лица, редко их употребляют и для рук. Это объясняется тем, что при искусственном освещении получается от этих средств окраска, напоминающая мертвенную бледность.

Д-р Пашкис. Косметика. СПб., 1896

Нет дела более важного в нашей империи, чем праздники. Даже печатание денег и награждение орденами чиновников отступают перед ним. Вопрос это серьезный, значительный, не терпящий самовольства и шуточек. Особо требует начальственной заботы и внимания. А все почему? А все потому, что сам народ российский праздновать не умеет.

Ну скажите, что за праздники придумывает этот народ? Стыд и дикость, не иначе. Ну устроят объедание блинами и кулачный мордобой на Масленицу, ну лезут, как отмороженные, в ледяные проруби в крещенские морозы, ну разговляются до потери чувств на Пасхальной седмице. Или того лучше: разгуливают по домам, горланя песни да выклянчивая конфеты, на рождественских Святках. А еще, чего доброго, станут прыгать через костер на Ивана Купалу или голяком в речке купаться. Где тут назидательный урок, где воспитательный эффект? Их нет. А есть безграничье разгула и даром потраченные выходные. Не говоря уже о несмываемых пятнах позора пред цивилизованными странами да горах мусора на городских площадях.

Не так устроены государственные праздники. Все в них продуманно и отлаженно, размеренно и степенно, чинно и благородно. Звон колоколов с парадными маршами. Начальство блистает в золоченых мундирах, дамы машут платочками, народ, как полагается, ликует, а не безмолвствует. Потому официальные торжества возбуждают в душах только почтение да благость, то есть лучшие чувства, какие способен выжать из себя гражданин в отношении власти. Не жалеет государство на празднование самое себя ни сил, ни средств. За что его подданные признательно благодарны. И особо за то, что верноподданнические чувства им доводится выражать изредка.

Однако в конце октября 1895 года случился настоящий обвал государственных праздников. Их оказалось куда больше снега рано пришедшей в этот год зимы. Началось все сегодня, когда с молебнами, торжественными собраниями и речами в клубах народного просвещения отметили чудесное спасение императора Александра III с семьей и наследником в железнодорожной катастрофе в Царском Селе, когда состав рухнул под откос. Искренно радовались не только прямые виновники торжества – машинисты паровозов и путейцы, но и прочее население столицы.

Не успел отгреметь один, как на смену спешит другой. Уже 20-го не менее пышно и значительно будут отмечать годовщину кончины все того же императора Александра. Согласитесь, есть это в характере народа: только у нас умеют скорбеть не менее зажигательно, чем веселиться. Конечно, опять готовились молебны, собрания и речи просветительных собраний, хоть и печальные. Но пик торжеств выпадал на следующий день, 21 октября, когда все подданные, утерев слезы, намеревались радоваться годовщине восшествия на престол императора Николая и его супруги Александры. И хоть коронация назначена на весну будущего года, размах торжеств поражал воображение уже сейчас.

Столица, озябшая от колючего снега и ледяного сквозняка с Балтийского моря, внезапно приободрилась. Главные улицы и проспекты украсились, как невеста на выданье. Государственные флажки, флаги и даже трехцветные орифламмы[2 - Полотнища, перетянутые через улицу на веревках.] расцветили серо-зимние стены и балконы. В витринах магазинов особо сознательных купцов красовались портреты Молодой Державной Четы (как полагается – с заглавных букв!). Менее патриотичные выставили державные бюсты. Но особый прилив эмоций вызвала иллюминация. Электрические лампочки, еще не вполне привычные, будучи развешаны гроздьями, весело мигали желтыми огонечками в рано наступавшей

тьме. А на самых видных местах Невского проспекта взметнулись световые вензеля. Буква А так нежно оплела ножкой Н, что казалось, будто змея обвила несчастную жертву перед укусом. Впрочем, чего не бывает в семейной жизни.

Одним словом, такого размаха Петербург не видывал давно – лет, наверное, восемьдесят, с возвращения из Парижа армии, победившей Наполеона. Кто-то посчитал эту чрезмерность выражением любви народной к новому царю и надежд на его царствование. А кто-то – тайным вздохом облегчения, что юные монархи, взявшись за рычаги управления, не пустили махину Российского государства под откос сразу.

Но праздничной атмосферы хватило не всем. Вот, например, на углу Садовой улицы и Мучного переулка рядом с афишной тумбой продолжительное время пребывает какой-то господин. Он как будто не обращает внимания на пронизывающий холод, хоть одет в обычное пальто, шляпу, только перчатки кожаные. Судя по всему, господин старательно ищет, где бы повеселиться. Он внимательно изучил афишу премьеры «Власти тьмы» графа Толстого в Малом театре и рядом – ту же премьеру в Александринском театре. Обе постановки были истинной сенсацией: цензура семь лет не разрешала ставить пьесу и вот позволила. Но история порочной крестьянки, убившей с любовником мужа и дитя, не тронула его. Как и премьера комедии господина Мансфельда «Папашины дочки» в театре Неметти. На балеты Императорского Мариинского театра он даже не взглянул. Чуть сместившись, принялся изучать он зрелища попроще. Так, концертный зал «Alkazar» призывал его насладиться неаполитанскими напевами в исполнении трио «Граменья» или цыганским разгуляем хора Шишкова. Не менее горячие зрелища сулило заведение «Помпеи». Кого могут оставить равнодушным русские комические куплетисты Богдановы, известный юморист Фистул-Александров и женщина-баритон Марусина? На закуску был обещан великий фокусник Орсини. Иди и наслаждайся. Но господин достаточно юных лет отчего-то не был расположен к веселью. Печально вздохнув, обратился он к афишке самой заметной и вызывающе дерзкой. Жирные буквы сообщали о зрелище уникальном, если не выдающемся, а именно: первом в новейшей истории конкурсе красавиц. Незаурядное событие должно было случиться в конце недели в помещении Дворянского собрания. То ли женская красота не волновала господина, то ли развлечения требовались немедленно, но и этот призыв не нашел отклика в его сердце. Оторвавшись на карманный хронометр, кое-как разобрал он в ранней тьме начало пятого часа и затем отошел к другой стороне тумбы.

Как раз в этот момент в некотором отдалении объявился прохожий. Лихо распахнутая шуба была отдана на волю ветра, а владелец ее выписывал зигзаги не хуже шлюпки в штормовых волнах. Праздничное настроение субъекта горело высочайшим градусом. О чем прохожий сообщал громкими воплями, в которых нежный слух узнал бы изувеченную «Аиду». Широкими жестами дарил он каждой встречной барышне дружбу, но те, подхватив юбки, с визгом разбегались. Мелкие неудачи не останавливали гуляку, он с упорством шел к своей цели. Как вдруг у него за спиной, словно из тьмы и ветра, выросли крепкие фигуры в одинаково новых пальто, подхватили гуляку под локотки, наградили легким тумаком и, не внимая гневному бульканью задержанного, поволокли к ближайшим воротам. Калитка с лязгом захлопнулась, а перед ней встала массивная фигура с метлой и бляхой дворника.

Господин у тумбы наблюдал за происшествием краем глаза, но не пытался вмешаться или вызвать полицию. Исчезновение, а вернее всего – похищение человека средь бела дня, хоть и темного, оставило его внешне равнодушным. Он уткнулся в новинки театрального и некоторым образом эстрадного искусства.

Не прошло и пяти минут, как таинственная калитка распахнулась. В проем кое-как втиснулась парочка городовых, которые бережно поддерживали знакомого нам гуляку и нежно, как дитя, понесли внезапно ослабшее тело к ближайшей пролетке, где погрузили, закутали одеялом и приказали извозчику трогать.

Счастливое разрешение загадки не оторвало господина от афиш, которые читал он по третьему кругу. Так что пропустил явление из калитки новых фигур. Одна из них хоть и кутала нос в меховой отворот зимнего пальто, но, кажется, носила погоны и полицейскую шашку. Служивую выправку не спрячешь, сами понимаете. Зато другая, облаченная в изящное пальто тонкой шерсти, шелковое кашне и лакированные ботиночки для бального паркета, выглядела, как и полагается насквозь промерзшему штатскому человеку. А именно: сотрясалась мелкой дрожью.

– Это что же такое, господин пристав? – слегка клацнув зубами, возмутился господин, одетый не по погоде. – На пытку, что ли, меня вызвали? Уморить вздумали? Что я вам сделал? Это жестоко…

– Так ведь… Как бы сказать… Как полагается… Все в порядке… – словно оправдываясь, прогундосил оробевший пристав.

В ответ замерзший господин яростно чихнул и возопил:

– И это называется «в порядке»?

Даже этот шум не привлек внимания читателя афиш. А вот нам происходящее у калитки становится любопытным, пора уже выяснить, кто тут мерзнет, в самом деле.

Под теплым пальто и собачьим шарфом, вязанным заботливыми ручками жены, стыл не кто иной, как сам пристав 4-го участка Казанской части подполковник Вершинин-Гак. Известный среди подчиненных и купцов, счастливо кряхтящих под его властью, кличкой Желудь, Савелий Игнатьевич нынче оказался в редком положении, когда чихвостили его самого (а не наоборот). И за дело. Оплошал так оплошал. Но винить полагалось только себя. Вчера в голову Желудя забрела мысль, что обычно предрекало ужасные последствия. Пристав смекнул: а неплохо бы перед праздничком очистить улицы от всякого пьяного сброда, чтоб его участок блистал образцовым порядком и трезвостью. Как говорится, прохожим хорошо и начальству приятно. Вторая мысль, пришедшая следом, была предвестником апокалипсиса, не иначе. Желудь так уверился в успехе, что зазвал на показательную облаву репортера из уважаемой газетенки «Петербургский листок». И как назло, прислали не какого-нибудь мальчишку, а знаменитость, самого Леонида Данонкина.

Виртуоз пера, известный статьями о модных новинках вообще и мира искусства в частности, попал в неведомое ему полицейское царство, как мышь в сметану. Редактор обещал занимательные происшествия в теплой обстановке, требовалось всего лишь отразить героические будни полиции. Данонкин оделся как на приличное мероприятие, но оказался в ледяной подворотне в обществе грубого вида мужланов, сопящих и злобных, да еще в гражданской одежонке. Что объяснялось «маскировкой». Это понять было можно. Но то, что творилось в подворотне, требовало веских объяснений. За час непонятного действа репортер промерз до полного изнеможения и поклялся, что прощание со здоровьем кое-кому обойдется дорого.

– И это называется облава? – гневно прохрипел он, давясь кашлем.

Желудь виновато смахнул морозную соплю.

– Это фельетон натуральный, а не облава! – не унимался Данонкин. – Как это понимать: ловят подгулявшего хама с проститутками под ручку и тут же отпускают! Почему не в камеру?

– Так ведь купец с нашего участка, уважаемый отец семейства. Не с проститутками, а племянницами, они же объяснили-с… – оправдывался Желудь, стараясь не вспоминать криков: «Ты что, Игнатьевич, меня в кутузку? За что я тебя кормлю? Вот каков ты, гнида!» И хохот девиц вдобавок.

– С чего это племянницы дядю «милый котик» называют? Вас не удивляет?.. Обычное дело?.. Ну-ну… А другой хулиган чем заслужил снисхождение?

Пристав только крякнул. Как втолковать залетной птице, что нельзя вот так запросто арестовать сынка уважаемого владельца банка, даже если тот немного разбил витрину. Банк-то тоже на участке. А подношения на праздники – самые щедрые.

– Допускаю, что проявили необъяснимую жалость. Но ведь последний негодяй оскорблял вас наглым образом, лыка не вяжет, а вы его велели домой отвезти! Хороша облава на хулиганов и уличных дебоширов!

Нет, не понять репортеришке, что чиновник Департамента полиции, даже подгулявший, приставу роднее общественного порядка. Эх, зачем только взвалил на шею эту обузу?

– Что мне в статье писать прикажете? Про какие подвиги?

– Наша служба и опасна и трудна, господин Данонкин. И пусть она на первый взгляд не очень заметна, мы всегда на посту… Вот об этом и пропишите… Только уж будьте добросердечны, не поминайте всяких шероховатостей… А ежели вам недостатки надо указать, так это пожалуйста, – заискивающе улыбнулся пристав.

– Неужели у вас есть недостатки? – Данонкин вложил в этот вопрос весь промерзший сарказм, но пристав не заметил.

– Вот они! – Палец Желудя, обтянутый перчаткой, указал в спину господина, изучавшего афишу. – Наглядный пример, каким не должен быть чиновник полиции. Сами видите: ленив, равнодушен к службе, не принимает участия в облаве. От себя добавлю: негодный полицейский. Самые посредственные способности. Подозреваю, что способен на служебный проступок и даже мздоимство. В тот час, когда весь штат, как один, заступил на служение закону и порядку… Одним словом: черное пятно на нашем участке. Так и пропечатайте.

– Неужели?

– Именно так. Прислали к нам от сыскной полиции, надежды возлагали. А он что? Пустое место. И хуже того: дерзок с начальством, невоздержан во мнениях, выскочка и недоучка, даром что коллежский секретарь. Стыдно сказать: чиновник для особых поручений. Да и что за вид: ни подтянутости, ни молодцеватости, рыхлый какой-то, чуть не толстяк, а всего-то двадцать три годочка, что же из него будет! Как станет носить гордое имя чиновника полиции? Маменькин сынок, одним словом. Только болтать горазд. Служит у нас меньше года и ничего не сделал, у коллег авторитета не заслужил. Гнать таких надо каленой метлой. Уж поверьте, у меня глаз опытный.

Нечасто полиция яростно рвет в клочья честь мундира. Данонкин заинтересовался:

– И кто же эта паршивая овца в отборной полицейской стае?

Савелий Игнатьевич, разгоряченный тирадой, выплюнул с языка ненавистное имя, как раскаленный свинец.

Не поверив ушам своим, Данонкин переспросил. Но Желудь упорно стоял на своем.

– Этого не может быть! – отмахнулся репортер. – Я слышал в редакции: это умный и талантливый сыщик, очень дельный, хоть он молодой. О нем идет добрая слава. Мне рассказывали: раскрыл несколько запутанных преступлений. Как же вы говорите, что…

– Ложь, – обрубил пристав. – Сплетни и домыслы. Никакой он не сыщик, это звание заслужить нужно. Юнец желторотый. Мелкий прохвост. Присвоил себе

чужие заслуги и доволен.

Горестное выражение на холеном личике подполковника не оставляло сомнений, кого именно так обидели. Новые ужасы о «мелком прохвосте» готовы были, казалось, явиться на свет, но тут Желудь приметил во тьме шатающуюся фигуру. Все силы были брошены на защиту порядка. Кажется, в этот раз удача обрела черты подгулявшего артельщика.

Данонкин обещал присоединиться к показательной расправе чуть позже, сам же приблизился к исчадию ада, все еще мирно изучавшему афишки, и с некоторым сомнением спросил:

– Прошу прощения, вы господин Ванзаров?

Во тьме улицы различить детали сложно, но выдающиеся кошачьи усы нарисовались несомненно. Репортер невольно оценил: юноша, быть может, и ленив, но уж не дурак – точно. Во всяком случае, по первому впечатлению. Взгляд его словно проникал внутрь человека, обладая необычайной силой. Казалось, он быстро исследует характер, вынося точные заключения. Было много в нем намешано всякого: и проницательности, и цинизма, и (не по годам) серьезности, и какого-то детского, почти наивного простодушия. А еще, быть может, того, что стыдливо называют «обаянием благородства». Нет, врет пристав, врет, подлец.

Несколько смутившись от прямого вторжения в свою личность, Данонкин сделал определенный вывод: может, преступники еще и не дрожали от этого взгляда, но вот женщинам от него лучше держаться подальше. Ничего хорошего не сулил он барышням, а только мучительные раздумья: кто этот юноша – безграничный романтик или коварный обольститель? Или не то и не другое, а нечто редкое и неописуемое. А быть может, и не было ничего подобного в том взгляде, а все это только отражения смутных фонарей? Или некоторая мрачность, явно сквозившая в характере юноши, оставила под глазами синюшные круги, словно он долго и упорно мучился, а то и страдал от чего-то. Или Данонкин сам нафантазировал и себе же поверил, с репортера станется, такие выдумщики. Но вот служебные пороки, так колоритно описанные приставом, на чуть полноватой физиономии не оставили отметин. Одно удивительно: молодой чиновник будто и не чувствовал холода.

– Вы, кажется, известный колумнист из «Листка»?

Голос заклятого врага Савелия Игнатьевича оказался приятным, чуть моложавым, с несколько форсированным баритоном. Так иногда мальчик пытается выглядеть старше, нарочно давя горло хрипотцой.

Представившись, Данонкин спросил, отчего чиновник полиции не принимает участия в такой важной облаве.

– Нелогично, – немедленно последовал ответ.

– Простите?

– Зачем бороться с последствиями, когда логичнее, то есть эффективнее, ликвидировать причину.

Знаток прекрасного не понял.

– Надо регулировать продажу спиртного, а не ловить пьяных, – ответил Ванзаров и виновато улыбнулся. – Не подскажете, на что бы сходить сегодня вечером, чтобы… ну, как-нибудь развеяться? А то я не силен в театральных новинках.

На такую искреннюю просьбу невозможно не откликнуться. Тем более что юноша невольно тронул любимую струнку в душе репортера. Позабыв про холод, Данонкин собрался горячо рекомендовать юноше парочку премьер. Как вдруг на перекресток выскочила полицейская пролетка, с которой буквально скатился нарочный, почти мальчишка, побежал к заветным воротам, заглянул в них, выпрыгнул наружу и подскочил к афишной тумбе.

– Га-сдин… Ваз-ров… – задыхаясь от спешки, прокричал он. – Фу, еле нашел… В участке… Нет… Сказали… Здесь… Прошу со… Ох… Мной… Срочно…

Срываться с места в карьер Ванзаров не спешил:

– В чем дело?

– Господин полковник… Вендорф… Оскар Игнатьевич… Требует… Вас… Лично… Немедленно… Прошу вас… Транспорт дали…

Юный сыщик, слегка похожий на мишку средней упитанности, отвесил легкий поклон и непринужденным шагом отправился к пролетке, на которую запрыгнул изящной птичкой.

Месье Данонкин погрузился в раздумья: разве понадобится самому полицеймейстеру 1-го отделения столицы бездарный и недалекий чиновник, да еще срочно? Вдруг самое интересное как раз и начнется там, куда отправился Ванзаров? Может, попроситься с ним? Но пока тянулись размышления, пролетка исчезла с глаз.

Досадуя, что выпустил из рук сенсационный репортаж, Данонкин стал искать пристава, но Желудь, как назло, исчез, а вместе с ним и героическая облава. Словно тьма и ветер поглотили их. Только остались пустые тротуары да одинокие фигуры, спешащие неведомо куда. Даже дворник засадной подворотни сгинул, бросив скрипящую калитку на вой сквозняка.

Эхом завыла метель в душе репортера. Запахнув плотнее воротник, побежал он трусцой в редакцию, чтобы отразить уж как-нибудь героические подвиги полиции в завтрашнем выпуске. Но первым делом – изгнать морозец из тела графинчиком водки с обильным холодцом.

Служебная пролетка бойко стремилась по Невскому проспекту. Весело цокали подковы по морозному насту, игриво мигали огоньки праздничных гирлянд, витрины магазинов сияли иллюминацией, воздух пронизывали радостные предчувствия. Но в душе чиновника полиции не нашлось искры праздника. Тоскливо и кисло там было, как в забытом чулане. Заглядывать туда пока не время, успеем еще.

Сосед по жесткому сиденью натянул спасительную накидку до груди, шмыгал носом и старался делать вид, что равнодушно разглядывает окрестности. Сам же бросал внимательные взгляды вбок, словно не решаясь заговорить о чем-то важном. Надо спасать юношу от косоглазия.

– Вас как зовут? – спросил Ванзаров внезапно строгим тоном.

Парнишка, которому на вид не исполнилось еще и двадцати, оживился и, немного волнуясь, представился Николя Гривцовым, коллежским регистратором 2-го Литейного, даже поклончик не забыл. Чин его был самым младшим в чиновничьей иерархии, а потому юношу, скорее всего, гоняли в хвост и в гриву все, кому придет охота. Кто за папиросками, а кто за Ванзаровым.

– Что там случилось, коллега? Зачем эта спешка?

От такого обращения Коля Гривцов чуть не расцвел на морозе, даже накидку отринул.

– Такая досада, я ведь ничего не знаю, господин Ванзаров, меня решительно никуда не пускают, – признался он и тут же добавил с мечтательным восторгом: – Наверное, там труп…

Мрачное слово заиграло волшебной музыкой и чистым восторгом на хрустальных гранях мечты. Ну, или что-то вроде того. Ванзарову хватило одного взгляда, чтобы составился мгновенный психологический портрет. Техника эта была натренирована для преступников и свидетелей, но годилась и для мирных целей. Все ясно: мальчишка из благополучной семьи, наверняка родители готовили отпрыска для блестящей карьеры, а чадо выкинуло фокус – потребовало отправить на службу закону и справедливости, то есть в полицию. Сколько ни объяснял ему родитель, что служить закону в полиции так же глупо, как на кухне жалеть куриц, Николенька был непреклонен. В общем, Ванзаров распознал в парнишке что-то близкое и свойское. И проникся совершенно. Но вида не подал.

– С чего вы взяли, что непременно труп? – строго спросил он. – Почему не кража?

– Ну а что же еще, – Николя с печальной завистью вздохнул. – Господин пристав меня не подпускает, значит, точно труп. Ему маменька приказала меня к трупам не подпускать ни под каким видом. Ну, что тут поделать, такая досада… А вы трупы видели?

Юноша смотрел с надеждой и восторгом. Нельзя разочаровать ребенка и крушить розовые мечты. Ванзаров отделался смутным бурчанием и опять спросил коварно:

– Где случилось происшествие?

– Велено доставить вас в Косой переулок…

– Зачем же господину полицеймейстеру снаряжать за мной из вашего участка?

– Так ведь он сам ожидает, и наши все там. А меня ни во что не посвящают, только приказы отдают. Эх, хоть бы глазком на труп взглянуть. Так любопытно!

– Ничего интересного, засохшая кровь и ароматы смерти. Успеете насмотреться досыта, – сказал Ванзаров и вдруг понял, что нечто подобное слышал сам не так давно. Как, однако, быстро летит время.

– Скорей бы уже. Как я мечтаю стать сыщиком…

Просто дежавю какое-то! Еще один романтик полицейской службы. Ничего, через месяц-другой станет обычным чиновником, ленивым и нелюбопытным. Какая все-таки жалость, что служба превращает горячих мечтателей в черствых служак.

– Мы с вами, коллега, не сыщики, а чиновники полиции, – наставительно сообщил старший товарищ. – Сыщики в дешевых романчиках, а мы используем логику и психологию. Как завещал нам старина Сократ. Надеюсь, понимаете, о чем я.

Коля преданно закивал, но тут же выпалил:

– А это правда, что о вас говорят, господин Ванзаров?

– Смотря что…

– У нас в участке шепчутся, что вы хитрый и коварный, как змей, пользуетесь покровительством начальства и темных потусторонних сил, отчего раскрываете все преступления. У вас имеется волшебный амулет на удачу, который в детстве вам подарила то ли ведьма, то ли цыганка. Поэтому вам всегда везет, но за это придется расплачиваться в загробном мире. А еще у вас усы заговоренные.

Слава пришла внезапно. До какой же околесицы умеют договориться полицейские сплетники, хуже женщин, честное слово. Даже усов не пожалели. Хотя такой роскошной растительности отлива воронова крыла можно обзавидоваться, это правда. Вот, например, у Коли под носом жалкие травинки пробиваются.

Ванзаров сбил морозную крошку с волшебных усов.

– Удача сыщ… тьфу ты, чиновника полиции – его разум. И только.

Открытие огорчило. Николя так надеялся прикоснуться к таинственному амулету, если уж к трупам не дают. А тут – разум. Ничего интересного.

– Благодарю. Постараюсь запомнить.

– Могу просить вас об одолжении?

Разумеется, Коля горячо согласился быть полезным в чем мог.

– Опишите, что там происходит. Может, заметили что-то любопытное?

Как ни пыжился юный чиновник, как ни тер замерзший лоб, но ничего толкового припомнить не мог.

– Кажется, про вас что-то говорили…

– Опять магические силы?

– Нет, как-то странно, вроде: «Вот уж попался». Эх, ничего-то я не знаю. Отослали меня. Простите…

С горя юный чиновник закрылся накидкой и затих. А Ванзаров не счел нужным копаться в мелких глупостях и отдался мрачной задумчивости.

Свернув с Пантелеймоновской улицы, пролетка встала. Кучер, он же городовой, оборотился к пассажирам, одарив многозначительным взглядом, потерял всякий

интерес к их дальнейшей судьбе. Дескать, идите куда хотите. Но место назначения казалось сомнительным. Косой переулок находился вблизи главных проспектов, но праздничной суетой его обделили, как бедного родственника угощением на богатой свадьбе. Не хлопали гирлянды праздничных флажков, не играла иллюминация, да и вообще казалось, что переулок не имеет к грядущим радостям никакого отношения. Парочка хилых газовых фонарей еле-еле разгоняла вечернюю муть. Но и этого было достаточно, чтобы ясно разглядеть совершенно пустые тротуары. Ничто не указывало, что где-то здесь произошло серьезное преступление. Не было толпы зевак, которых отгоняли городовые, фотограф не сверкал вспышкой магния на высоченной треноге, не расхаживали следователи в поисках очевидцев или свидетелей. Сонная дремота тихого угла, и только.

Шутки часто скрашивали серые будни чиновников полиции. Ванзаров имел счастье в этом убедиться неоднократно. Все указывало на то, что нынче розыгрыш удался как нельзя лучше. Коллежский секретарь глянул на мальчишку со всей строгостью старшего по чину. Николя вылез из теплого укрытия, осмотрелся и растерянно пробормотал:

– Ничего не понимаю. Не мог же я перепутать, мне четко приказали доставить сюда. Честное слово, господин Ванзаров…

Внезапно от стены отделилась темная фигура и, придерживая шашку, устремилась к пролетке. Подбежавший городовой небрежно козырнул, пригласив гостя следовать за ним.

– Рад был знакомству! – крикнул вслед Николя с тайной надеждой, какую могут выдумать только мальчишки, рвущиеся к подвигам и свершениям.

В крохотном проулке меж неплотно выстроенных домов втиснулась карета с наглухо занавешенными окнами без украшений и резных гербов. Незаметная и скромная, как и полагается служебному экипажу серьезного департамента. Осоловевшие лошади вздрагивали под инеем и громко фыркали. Промерзший кучер закутался в шубу так, что носа не видно. Давно ждут.

Городовой деликатно стукнул в дверцу, блестящую черным лаком, и предложил руку. Но Ванзаров осилил кованые ступеньки без посторонней помощи. Еще чего не хватало!

Внутренность, обитую серой материей, освещал керосиновый светильник, засунутый под самый потолок. Стараясь не задеть полковничьей шинели, Ванзаров пробрался на свободный диванчик, поздоровался, но шляпу снимать не рискнул, чтобы не угодить локтем в начальство.

– Где вас носит? – строго спросил Вендорф вместо приветствия. В такой холод невежливо заставлять ждать любого, а господина полицеймейстера как лицо, наделенное властью, тем более. И властью немалой. Начальник 1-го отделения командовал одной четвертью из сорока двух участков Петербурга. Трем другим полицеймейстерам принадлежали остальные. Выше их в служебной иерархии полиции восседали только градоначальник и директор Департамента полиции.

Послушный чиновник Ванзаров доложил, что участвовал в облаве на хулиганов и пьяниц, устроенной господином приставом.

– Я ему покажу облаву! – пообещал строгий начальник и тут же сменил тон: – Извините, Родион Георгиевич, дорога каждая минута, ситуация непростая. Начну с главного. Ознакомлены с содержанием секретного циркуляра о мерах по обеспечению порядка в канун празднования?

– Никак нет, нам не положено, – ответил Родион не моргнув глазом. Циркуляр доводился до всех приставов столицы, был строго конфиденциальным, но какой секрет не станет известен тут же!

– Так вот, напомню его суть, – Вендорф не питал иллюзий о соблюдении тайн своими подчиненными. – В преддверии высочайшего праздника в столице не должно быть происшествий. Никаких. Уличное хулиганство, кражи и прочее исключены. А про убийства и говорить нечего. Ничто не должно омрачать народную радость. Это вопрос сугубо политический. Отчетливо понимаете?

Родион не мог понять только одного: для чего понадобился он? Но внешние приличия выдержал.

– Очень рад, что имею под своим началом такого способного чиновника, – сказал Оскар Игнатьевич с непозволительной искренностью. – Необходимо, чтобы вы лично расследовали случившееся.

– А что произошло?

– Вам доложат подробно. Все распоряжения отданы. 2-й Литейный ждет, когда приступите, он под вашей командой. Если понадобится – привлекайте свой участок. Но условия строжайшие: чтобы ни один репортеришка не пронюхал, чтоб звука не было. Что хотите, но завершить не позднее утра 21 октября. Дело заводить только после праздника. Чтобы в моем отделении все было образцово. Очень на вас надеюсь.

– Разве Литейный сам не справится?

– Уж позвольте мне решать, кто справится, – не повышая голоса, отрезал Вендорф. – Я высоко ценю ваши профессиональные качества, если не сказать – талант. Но в этом деле есть факт, требующий именно вашего участия. И объяснений, каким образом вы имеете к нему личное отношение. Не разочаруйте меня. Повторяю: сроку три дня. У вас все в порядке? Болеете? Выглядите скверно.

– Все благополучно. Благодарю вас.

На этом разговор решительно истощился.

Ожидавший городовой вежливо придержал дверь и крикнул кучеру трогать. Черная карета, дернувшись, словно примерзла колесами, растворилась во тьме. А господину чиновнику было предложено следовать в ближайшую подворотню. Родион не боялся пустых страхов, а потому не стал гадать и переживать, какая такая связь между ним и неизвестным преступлением. Там видно будет.

Ворота, по обычаю запираемые с первой темнотой, были гостеприимно распахнуты. Внутри каменной пещерки с полукруглым сводом топталось множество народа в пальто и шинелях. Так что никакой жилец дома не рискнул бы сунуться. Кашель и приглушенные голоса эхом доносились наружу. Появление долгожданной персоны было встречено дружным молчанием. На Родиона смотрели с плохо скрываемым злорадным интересом. Он поздоровался со всеми сразу. Ему ответили молчаливые кивки.

К списку заклятых друзей, состоявших из чиновников родного участка, добавился 2-й Литейный в полном составе. Тут магией усов не отделаться, долго будут припоминать. Что поделать, неудобен талант среднему чиновнику,

вызывает в нем душевную неприязнь. Появляется некто, выскочка, кто может что-то делать без отговорок и отписок. И делает, негодник. Неприятно, сами понимаете.

– Что ж, господин Ванзаров, приступайте, – штабс-капитан Звержинский одарил сладчайшей улыбкой и поднес ладонь к фуражке. – За дело, господа, берется настоящий сыщик. А мы тут лишние.

Заскрежетали едкие смешки. Темнота подворотни скрыла лица храбрецов.

– Позвольте, но в чем хоть дело? – несколько растерялся Родион.

– Под вашим началом оставляю четырех городовых. Достаточно? Или вам размах требуется?

И эта реприза была принята публикой.

– Надеюсь, поразите нас молниеносным расследованием убийства. И особо разъясните загадку: как это умудрились так вляпаться, шалун?

Под дружный хохот когорта чиновников 2-го Литейного удалилась в переулок. Квартет городовых, оставленный в залог, хоть и не принимал участия в веселье, но теплых чувств к чужаку не испытывал. На Ванзарова смотрели с нескрываемым желанием слегка раскатать по свежему льду. Так, чтоб мокрого места не осталось. Лишь в дальнем конце подворотни маячила высокая фигура, равнодушная ко всему, но смутно знакомая своими очертаниями.

Что оставалось? Только и спросить наугад:

– Где тело?

Старший городовой Зыкин пригласил к стене. Около каменной тумбы, защищавшей угол дома от тележных колес и нечаянных ударов, растянулся кусок ткани, целиком скрывая находку. Прорезались слабенькие лучики потайных фонарей, еле пробивавшиеся сквозь открытую створку. Приказ соблюдения секретности выполнялся строго. Материю, оказавшуюся солидным брезентом, подняли, образовав нечто вроде шатра. Ванзарова пригласили

внутрь. Немного согнувшись, он пролез, как в детской игре «в палатку».

Мороз сковал твердую корку. На ней, как на мраморном столе, вытянулось худенькое тело. Барышня невысокого роста, Родиону по грудь будет, лежала мирно, вытянув обнаженные руки по швам. Для такой погоды одета необычайно легко: бальное платье в мелких розочках, ленточках, с решительно глубоким декольте и совершенно обнаженными плечами. Украшений, полагавшихся к такому наряду – кольца, серьги или колье, – нет. Только бутон искусственной хризантемы приколот на левом плече, внутри его цифра 4, написанная чернилами. Волосы аккуратно причесаны, но без парикмахерских изысков. Из другой одежды – потертые ботиночки на шнуровке. Подол гофрированной юбки должен скрывать их надежно. Но в лежачем положении видно все. Молода, возраст не больше семнадцати или что-то вроде. Казалась она Спящей красавицей, явившейся из сказки. Во-первых, холодная и совершенно мертвая. Но самое главное – красота.

У Родиона были сложные отношения с женской красотой. При виде милого или обворожительного личика он терял значительную часть своей логической силы. Да что там говорить – просто глупел. Красота женщины действовала на Родиона как столбняк. Словно помещали его в микроволновую печь (подумаешь – не было, а ощущение было) и прожаривали изнутри. Красота выворачивала сердце мокрой тряпкой и вешала сушиться на палочку, которой могла вертеть любая ушлая бабенка. Из романтиков получаются отличные ломовые лошадки семейного быта. Но боязнь разрушить красоту грубым прикосновением привела к тому… Ну, об этом не время, после.

Так вот, барышня была исключительно хороша, даже слишком хороша для настоящей женщины. Как будто над лицом ее тщательно поработал волшебный резец, удалив малейшее несовершенство кожи. Даже мертвенная бледность ее не портила – словно мраморная статуя. Во всей этой красе был один недостаток: горло пересекал черный месяц глубокого разреза. Огромный зев, раскрытый в немом крике. Милая головка задралась назад, обнажая анатомические подробности гортани. Но крови не было. Нервному Николя такое зрелище рановато, чего доброго, рухнет в обморок.

Причина смерти не вызвала сомнений: груба и наглядна. Но вопросов от этого меньше не становилось. Наоборот, их рой жужжал густым облаком. И первый, быть может самый важный: кто она такая? Родион готов был присягнуть на томике Сократа, что нигде и никогда, ни вскользь, ни случайно не встречался с

этой очаровательной брюнеткой. Он бы не смог ее пропустить. А уж забыть – тем более. Барышня была совершенно незнакома коллежскому секретарю Ванзарову. В этом можно не сомневаться. Тогда откуда намеки Вендорфа и коллег?

Брезент опустился, дверцы потайных фонарей скрыли еле теплящиеся огонечки. Родион вылез из палатки:

– На обход жильцов кого-то послали?

– Дом пустой еще, недавно после ремонта, – ответил старший городовой Зыкин.

Не самая приятная новость. Значит, опознать быстро надежды нет.

– Кто нашел тело?

Вперед подался не самый крупный детина, назвавшийся младшим городовым Патлиным. Но и только.

– Ну, так докладывайте, – раздраженно сказал Родион.

– С час назад делал обход, – начал Патлин без огонька и задора. – Около третьего дома по Косому переулку увидел пострадавшую…

Ванзаров тут же перебил:

– Позвольте, но это же девятый…

– Так точно.

– Вы что, перенесли тело с места преступления?!

Большее святотатство придумать сложно. Все следы, важные детали, мелкие подробности, даже положение тела – все пропало. Закипавший гнев грозил обварить городового, но Патлин равнодушно объяснил:

– Господин полицеймейстер лично приказали. Чтобы людей не пугать… Иду, вижу – лежит, бедная, думал, выпившая. Тронул, а она холодная, ну, я шинель скинул, накрыл ее, засвистел, прибежал Зыкин, послал за подмогой. Они все прибыли. И господин Вендорф прискакал. Велел подальше отнести.

Родион потребовал указать место немедленно. Без особой охоты Патлин поплелся, придерживая неудобную саблю, так что Ванзаров далеко обогнал его.

Тщательный осмотр в подворотне обнаружил только засохший лед. Следов – никаких. Городовой, неторопливо добравшись, уверял, что барышня лежала вдоль стены, головой к переулку, а ногами во двор. Но показать наглядно на себе отказался. Оставалось вообразить.

– Что здесь? – спросил Родион, кивая на трехэтажное строение.

– Доходный дом, что ж еще…

– Со стороны набережной Фонтанки концертный зал «Помпеи»?

– Так точно. Тылом в этот двор выходит…

Повернув назад, Ванзаров снова опередил городового, как призовая лошадь ишака. Кажется, возвращению его было радо только одно живое существо. За парадный подъезд соседнего дома прятался Николя Гривцов. Юный чиновник так вытягивал шею, стараясь проникнуть на место преступления, что грозил потерять фуражку. Мальчишка был подозван пальчиком. Отведя его в сторону, Родион дал поручение: разбиться, но разыскать любую афишную тумбу и кое-что проверить в афишах. В отличие от городовых, Николя бросился выполнять указание бегом и с удовольствием. Вот бы так все в полиции старались… Ну, да что напрасно мечтать.

Работа логики требовала глубокого вздоха, чтобы унять расшалившиеся страсти. Медленно втянув морозный воздух, Ванзаров закашлялся. Тонкое обоняние уловило омерзительный запах, какой могут издавать посланники преисподней на земле, а именно сигарки никарагуанского табака. Курить их хватало мужества лишь избранным, а запах не выдерживал, кажется, никто. От этой

вони падали в обморок лошади и барышни, а бездомные собаки бросались под нож мясника. Ну, или что-то вроде того… Среди знакомых Родиона курил их только один человек, который был нужнее всего именно сейчас: великий и ужасный Лебедев. Главный эксперт и криминалист достиг такой непогрешимой репутации, что одно его появление на происшествии обещало победу. И ведь еще недавно их связывало с Ванзаровым что-то вроде дружбы. Впрочем, не будем о грустном…

Величественная фигура с сигаркой возвышалась на фоне подворотни. Городовые жались в сторонку, вежливо прикрывая носы ладошками.

– О, ваше превосходительство великий сыщик, – провозгласил Лебедев без всякой радости и даже цинично не вынул сигарку из зубов.

– Добрый день или вечер, Аполлон Григорьевич, счастлив вас видеть, – покорно ответил Родион и даже взгляд опустил, как покорная овечка.

– А вот я несчастлив созерцать вашу негодную личность, да! – прогремел глас, так что переулок содрогнулся. – Если бы не приказ Вендорфа, с места бы не сдвинулся. Только ради вас. Так и знайте.

Городовые одобрительно захихикали.

– Молчать! – рявкнул Лебедев. – Это вас не касается.

Набравшись смелости, Родион приблизился к грозному коллеге, но руки подавать не посмел. Его физиономия была рассмотрена и критически оценена:

– Что это вы выглядите как жертва научного эксперимента? Помирать собрались?

– Страдаю от любви.

– Вы?! От любви?! Хо-хо. У вас же ничего человеческого, одна логика. Такой любить не может. Сухарь. Да еще и жулик.

– Аполлон Григорьевич, помогите, мне очень трудно, – тихо проговорил сухарь и жулик. – И нужна ваша помощь…

– Вот как? Ладно, даю последний шанс: рассказывайте, чем закончилось дело бильярдиста, и так и быть – будете прощены.

– Не могу. Это не мой секрет, уже сколько раз повторял вам, поймите. Я слово дал.

– Ах, вот как?! – опять взревел Лебедев и швырнул об лед сигарку, так что городовые в ужасе посторонились. – Значит, лучший друг должен два месяца разрываться от любопытства, а вы слово дали? И кому же?

– Вы прекрасно знаете…

– Ну, раз так… – грозно начал великий Аполлон.

Родион зажмурился, ожидая проклятий и разрыва дружбы уже навечно.

– …тогда примите мое уважение вашей стойкости. Такое не часто встретишь. И вообще, идите-ка сюда, обниму вас, соскучился ужасно. Столько не общаться с умным человеком – это пытка, да.

Трогательная сцена объятий произошла на виду городовых. Впрочем, восстановлению суровой мужской дружбы такие мелочи – не помеха. Но какое неописуемое счастье испытал Родион! Столько переживаний и мук, столько страхов. И все закончилось. Необъяснимое облегчение. И как вовремя. Теперь у логики есть надежная опора. Научная и точная.

Отстранив упитанное тело, которое еле дышало после стальных объятий, Лебедев строго спросил:

– В самом деле, Ванзаров, выглядите чуть лучше трупа. Совсем доходяга. Что с вами?

– После, ерунда, давайте займемся, мало времени…

– Деловой вы наш. Ну, давайте… Брезент поднять, фонари включить! – последовал грозный окрик.

Городовые бросились выполнять без промедлений.

В палатке с Лебедевым было… почти уютно. Если бы не холод и мертвое тело. Именно оно требовало немедленных ответов. Опершись на походный чемоданчик, Лебедев многозначительно посматривал то на Родиона, то на мраморный лик.

– И что вас смущает? – наконец спросил он. – Создание молодое и роскошное, но причина смерти очевидна и тривиальна. Мороз, конечно, путает, но уверен: смерть наступила часа два назад. Улик – масса. Выводы готовы. Хотите прямо сейчас или сами сообразите?

– Выводы подождут, – попросил Ванзаров. – Другое странно: мне намекают, что к этому делу я имею личное отношение. Слово даю: эту барышню первый раз вижу. Понятия не имею, кто она.

– Не бросайтесь словами, а взгляните-ка сюда… – Лебедев с некоторым усилием приподнял правую руку жертвы и чуть развернул на свет. Ниже локтя на идеально гладкой коже виднелись порезы с засохшей кровью. Ровные черточки ясно складывались в слово из латинских букв: vanzarov

Рядом с ним виднелись значки, написанные чем-то вроде химического карандаша с красным грифелем: кус логики.

Пришлось разочаровать обретенного друга. Родион признался: понятия не имеет.

– Неужели ни о чем не говорит такая простая комбинация: «а» с закорючкой, галочка, пять с точкой и восклицательный знак?

И опять пришлось выкинуть белый флаг.

– Ну, это ведь так просто!

– Буду рад, если откроете. Я не способен.

– Это значит: «Ванзаров, вам придется ломать голову». – И Лебедев нагло улыбнулся. – Не будьте таким мрачным, коллега, прямо рыцарь печального образа. Перед вами убийственная красота. И вообще: disce gaudere![3 - Научитесь радоваться!]

Родион вспомнил, что с его гениальным другом ухо надо держать востро. Всегда. И что обидно: быстрого ответа не нашлось.

Из-за брезента послышалась возня, мальчишеский голос обиженно закричал:

– Пустите, я к господину Ванзарову!

Николя безуспешно таранил кордон городовых. Рвался вперед, но его держали за шкирку. Мальчишка болтался, как кукла в гражданской шинельке Министерства внутренних дел.

Родион приказал отпустить. Счастливо запыхавшийся Гривцов сообщил:

– Есть! Нашел! – И, горячо дыша в ухо, выложил детали. Они обнадеживали. Но на всякий случай строгий коллега переспросил:

– Не перепутали? Точно запомнили? Два раза проверили адрес?

Николя готов был дать на отсечение любую часть тела, настолько твердо запомнил. Но этого не потребовалось. А за старания была объявлена благодарность.

– Господин Ванзаров, разрешите с вами? – вдруг выпалил Коля и от содеянного зажмурился.

– Куда это «со мной»?

– Позвольте вместе с вами расследование провести… То есть всего лишь помогать вам… Полезным быть… Научиться у вас… Я на все согласен. А маменька ничего не узнает, ну пожалуйста!

Проще всего отказать. Но что с мальчишкой станет: крах всем мечтам. И таскать за собой нельзя, и бросить жалко. А почему же мальчишку? Мелкого, но чиновника полиции. Раз весь 2-й Литейный участок отдан на разграбление, тьфу, то есть – под распоряжение, значит, и коллежский регистратор Гривцов в том числе. Куда ему деваться? Паренек толковый, может пригодиться.

Родион сурово нахмурился, аж усы торчком:

– Уговор такой: никакого самовольства, беспрекословное послушание. При первой же попытке выкинуть фокус отправляетесь к матери. Вот мое условие. И обсуждению не подлежит. Согласны?

Все Колино естество рвалось закричать «ура!» с тремя восклицательными знаками или запрыгать до потолка. Но делать этого не следовало, чего доброго, прогонят в шею.

– Так точно, буду стараться. Можно вопрос?

– Ну, что еще?

– Разрешите, Родион Георгиевич, на труп взглянуть, ну хоть одним глазком…

Ванзаров как-то сразу пожалел о своем решении. Не годится он в няньки.

Зашуршала палатка. Стряхнув невидимую грязь с пальто на бобровом меху, Лебедев уставился на мальчишку. Критически оценив щуплое тельце в фуражке, громогласно заявил:

– Ну все, еще один великий сыщик на нашу голову. Повезло столице: теперь их два.

Гривцов как раз собрался обидеться, но ему пояснили, кто перед ним находится. Юноша вспыхнул восторгом и забыл про нанесенное оскорбление.

Внезапно Родион ощутил, как песчинки отведенного времени утекают одна за другой. Не потому, что боялся начальственного нагоняя. Характер такой: взялся

– надо не отступать до конца.

– Аполлон Григорьевич, займитесь барышней, как только вы умеете, – попросил он. – Ее во 2-й Литейный доставят…

– Виноват, но приказано к вам в участок, – встрял городовой Зыкин. – Вы расследуете, и тело, значит, ваше. Нам оно без надобности.

– Пусть так, только дождитесь меня в участке. Очень надо. Договорились?

– А вы куда? – заинтересовался Лебедев.

– Попробую установить ее личность.

– Уже знаете, где искать?

– Только шаткое предположение. Городовой, одолжите секретный фонарь…

И, схватив жестянку, через которую пробивались полоски света, Ванзаров исчез в переулке. За ним хвостиком увязался Николя Гривцов.

О, женщины! Как много значите вы в нашей жизни. Все вам прощается, любая прихоть и каприз. Нет сердца, способного устоять перед вашими желаниями. Все вам позволено, и даже внешние приличия не могут держать вас в строгости. Какое милое коварство…

Примерно так размышлял Родион. Тут было над чем поломать голову. Меньше всего его волновала загадочная надпись. Мало ли всяких Ванзаровых обитает в столице: быть может, совпадение. Куда настойчивей беспокоила нелогичность происшествия. Дама в легчайшем платье, наверняка собирается веселиться. Но что-то происходит, и она оказывается на морозе с перерезанным горлом. Возникает множество вопросов. Например: зачем демонстративно бросать труп на улице? Почему не сбросить в подвал или спустить под лед? Или засунуть в сугроб. Тогда бы к весне нашли. Убийца наверняка обладает стальными нервами: сделать такой надрез мало кому по силам. Почему жертва не спрятана, а наоборот – демонстративно выставлена в переулке? Словно предупреждение

кому-то. Нелогично.

И еще странность: чего так испугался Вендорф? Событие не самое приятное, но обычное. Барышня хорошенькая, скорее всего, не из высшего общества. Тогда чего же он так всполошился?

Родиону захотелось опробовать на Гривцове логическое упражнение под названием «маевтика». Способ, каким Сократ добывал истину, состоял из простых вопросов, на которые надо давать простые ответы. Но о чем спрашивать, если мальчишка трупа не видел? И так уже пыхтит, аж шинель нараспашку.

На всякий случай Ванзаров еще раз осмотрел место, где лежала барышня.

– Николя, посветите…

Бледное пятно осветило лед. Нет, ничего. И это тоже вызывает вопросы.

Родион двинулся в глубь двора, оруженосец старательно освещал путь. Вскоре фонарик оказался не нужен. Высокие окна концертного зала, задернутые тонким тюлем, давали света с избытком.

Если тело волокли по снегу, должны остаться следы. Но краткий осмотр не дал ничего. Следы давно затоптаны. Да и что останется на льду? Задрав голову, Ванзаров осмотрел окружавшие окна. Многие светились, но что толку. Стучаться в каждую дверь и спрашивать: не у вас зарезали барышню?

На первом этаже, рядом с сильно запотевшими стеклами, распахнулась дверь, выскочил разгоряченный мужик в поварском колпаке и белотканой рубахе, с огромной кастрюлей на весу, размахнулся и обдал ближайшую кочку фонтаном помоев. И тут же исчез.

– Следуем в помещение, держитесь незаметно… – предостерег Родион и добавил: – Фонарь не потеряйте, а то Зыкин вам под глазом поставит.

Николя был готов к любым испытаниям. Счастливый, он не знает, что такое долг.

Парадный вход концертного зала «Помпеи» блистал витринами афиш и ливреей швейцара. Зрители только сходились и съезжались на вечернее представление. «Помпеи», как и все подобные заведения, старались угодить публике чем только можно. Кроме сцены с богатым эстрадным репертуаром, здесь держали ресторан с приличной и напыщенной кухней, для отдыха имелись зимний сад с фонтаном и пальмами, курительные и диванные комнаты, а также несколько залов для устройства танцевальных вечеров. Ни один гость не должен был уйти голодным и неотдохнувшим. И хоть представления, на высокий вкус критика Данонкина, здесь были самые примитивные (о чем всегда поминал в статьях), публике нравилось. Открыв новый сезон с новой программой и свежим меню, «Помпеи» не думали гибнуть, а, напротив, буйно процветали.

Узнав, где находится нужный зал, Родион приказал Николя сторожить его пальто и шляпу. Табличка «Просьба не беспокоить» не могла остановить сыскную полицию. Ванзаров постучал и, не дожидаясь разрешения, стремительно вошел.

Вы наверняка предполагаете, что невоспитанный юноша сорвал вихрь криков, негодующих возгласов и прочих звуков, которые издают женщины, застигнутые в неловком положении. То есть без платья или частично в нем. Как бы не так! В пустом зале нашлось только одно существо женского пола, причем безупречно одетое. Дама встретила непрошеное вторжение спокойно и лишь спросила: «Что вам угодно?»

Любая дама заслуживает особого внимания. Но эта – особенно. В ней было пудов[4 - 1 пуд = 16 килограммов.] десять, если не двенадцать живого веса, при этом атласное платье так ловко маскировало объемы фигуры, что даму можно было назвать «слегка полноватой». Что Родион себе и позволил. И составил мгновенный портрет: далеко за сорок, но приятностью и свежестью лица не уступит молодым, характер спокойный, но властный, о чем говорит особый изгиб бровей; скорее всего, похоронила мужа и живет на наследство, привыкла стоять на своем, умеет посмеяться, не вздорная, тщательно следит за собой до кончиков ногтей, не пьет.

Дама выжидающе смотрела. Ванзаров опомнился и спросил:

– Здесь записывают на конкурс красавиц?

Ему ответили милой, покровительственной улыбкой:

– Как приятно видеть мужчину таких прогрессивных взглядов. А то у нас все больше деспоты, не позволяют своим женщинам и носа высунуть. Не то что в конкурсе участвовать. А ведь красота для женщины – это все… Вам говорили, что у вас роскошные усы?.. Ох, простите… Кого желаете записать: сестру или племянницу? Взрослой дочери у вас наверняка еще нет…

Пришлось согласиться: красавица в летах владеет вкрадчивым обаянием. Оружие полезное или опасное, сморя как применять. В сердце чиновника полиции закралось странное чувство, что его раскусили: все поняла дама о его платонических страданиях с барышнями. Но Родион не раскис, а строго спросил:

– У меня немного иной вопрос…

– Вот как? Очень мило.

– Ваши барышни носят на левом плече искусственную хризантему с цифрой?

Ему ответили милейшей улыбкой:

– Откуда вы знаете? Это маленький секрет.

Пришло время скинуть маску (Родион искренно верил, что она была, ну-ну). Он представился во всех регалиях, не забыв про «особые поручения». Шквал чинов не произвел на даму никакого впечатления. Она лишь вежливо кивнула и указала на стул рядом с собой.

– Лидия Карловна Маслова, устроительница, хозяйка, а вернее – мученица первого в России конкурса красавиц, как вы, наверно, догадались, – подсластила она булавку. – Так зачем вам наши хризантемы? Какая-то роковая тайна? Любовный роман?

– Они есть у каждой участницы? – словно оглохнув, спросил Ванзаров, усаживаясь на хлипкий стульчик.

– Это же конкурс. Дамы не терпят однообразия, но с цифрой в цветке все согласились. Не скрою, это моя идея. Не правда ли, мило?

– Сколько их всего?

– Пока лишь двенадцать, – госпожа Маслова снова улыбнулась. – Многие хотели, но не решаются из-за предвзятого мнения. Кое-кто путает наш конкурс со смотринами падших женщин. Такая наивность! Но ведь мы вторые в Европе, представьте. В Париже нет еще такого конкурса, а в Петербурге будет. И все равно на нас смотрят косо. Сколько мне пришлось пережить! Думаю, двенадцать для начала – достаточно. Любое дело, начатое двенадцатью, будет иметь успех, не так ли?

– Помните фамилии всех конкурсанток?

– Родион Георгиевич, просто скажите, кто вас интересует…

Однако быстрый ум. Его всегда приятно встретить в женщине.

– Скажем, номер четыре.

Маслова одарила улыбкой.

– Этот номер оставлен за госпожой Агаповой. Надеюсь, вам известна эта фамилия.

– Разумеется, – ответил коварный юноша, не имея ни малейшего представления, о ком речь. – Сколько ей лет?

– Исполнилось семнадцать. Самый замечательный возраст для девушки.

– Она была сегодня здесь?

– Кажется, нет… – Маслова вдруг насторожилась. – Что-то случилось?

– Нет, что вы! Просто кое-что проверяем. Но госпожа Агапова должна была прийти?

– Я просила бывать на ежедневных собраниях всех. До конкурса остались считаные дни, так много надо сделать, отрепетировать… Но кто-то не может так часто отлучаться, кто-то занят платьями. На пропуски я смотрю снисходительно. Все-таки барышни, а не солдаты…

Следовало сделать вывод, что госпожа Агапова нынешнее собрание прогуляла.

– Во сколько назначали встречу?

– Примерно два часа назад… Молодой человек, вы меня растревожили. С Элей… то есть с Эльвирой Ивановной все в порядке?

– Почему вы так беспокоитесь? Был какой-то повод? Ей кто-то угрожал?

Милейшая Лидия Карловна переменилась мгновенно. Как будто включила другой характер:

– Господин Ванзаров, вы задаете слишком странные вопросы. Или перестаньте юлить, или на мою помощь не рассчитывайте. Конечно, вид у вас усталый и болезненный, вызывает материнскую жалость, но совесть надо иметь.

Лучше всего отвести сдобную женщину в морг и устроить опознание. Пусть глянет в мраморное лицо. Вдруг узнает. Но какая-то сила держала Родиона за язык. Быть может, нечто вроде жалости или милосердия: устраивать встряску для неюной дамы с неизвестным результатом он не мог себе позволить. Пришлось выкручиваться. Особый талант врать с ходу, причем врать так искренно, что сам веришь, опять пригодился. Ванзаров наплел с три короба про особый порядок в канун праздника, и что тщательно проверяют всякую мелочь, и что у мелкого вора нашли хризантему и вот начальство заставляет все разузнать. Такая каторга.

Неизвестно, поверила ли Маслова во все россказни, но слабая женщина была сметена молодецким напором. Вернулась та, прежняя Лидия Карловна. С обворожительной улыбкой она заметила:

– Как приятно, что в полиции служат такие энергичные молодые люди. Я рада, что с Элей все в порядке.

– Давно ее видели? – тут же спросил Родион.

– Кажется, день или два…

– Не силен я в дамских туалетах… – начал юный чиновник и детально описал платье в розочках, – …не припомните такого?

– Ох уж эта полиция! И про Элино платье пронюхали. Признайтесь, где его видели?

– Не затруднит напомнить адрес госпожи Агаповой?

Маслова назвала большой и роскошный дом на Моховой улице, известный всему городу. Удобно, совсем поблизости. Чиновник полиции стал раскланиваться и между делом выяснил, собирается ли Лидия Карловна пребывать здесь. Оказалось, у хозяйки конкурса столько дел, что и до ночи не справиться. Само представление состоится на сцене Дворянского собрания, а бумажную работу, дрязги с поставщиками и подрядчиками Маслова вела в зале репетиций, служившем ей временным штабом.

Николя не совсем удачно отскочил от двери, поскользнулся на лакированном полу и грохнулся с пальто и потайным фонарем. Ванзаров милостиво не заметил промашку и помог коллеге встать на ноги.

– Господин Гривцов, для вас поручение.

– Ага! – только и смог выдавить Коля, задушенный восхищением.

– Наблюдайте за дамой, с которой у меня была беседа. Разглядели ее в замочную скважину достаточно… И не надо отпираться… Она должна быть на месте допоздна, но тщательно следите, глаз не спускайте. Хитрая бестия, может улизнуть. Как выйдет, следуйте за ней, куда бы ни пришлось. Потом сразу ко мне в 4-й Казанский. Не потеряйте фонарь, вещь казенная.

Вынув кое-как из ледяных рук Николя свои пальто и шляпу, Родион погрозил пальцем для порядка и, глубоко довольный произведенным фурором, покинул концертно-ресторанные «Помпеи». Все-таки есть в нем мелочная страстишка к дешевым эффектам, ну, что тут поделать: героя не выбирают. Уж какой есть.

Величественный швейцар глядел на незнакомого посетителя сверху вниз: и по росту, и по положению. Скромный вид чиновника полиции не внушал стражу ворот ни малейшего доверия. В таком виде сюда не ходят. В самом деле, ни шубы соболиной до пят, ни золотых цепей на брюхе, ни завалящего смокинга с брильянтовой булавкой, а только потертая шляпа да нечищеные ботинки. Гнать таких гостей в шею полагается. К тому же прибыл самым негодным способом: не в карете, желательно собственной, а пешком. Значит, подошвы грязные, натопчет на лестнице. Нет, не проходит упитанный юнец под шаблон солидного дома.

Устав пререкаться, Родион показал зеленую книжечку Департамента полиции и пригрозил, что вернется с околоточным. Не оказав почтения и даже фуражки не сняв, страж приоткрыл стеклянную дверь ровно настолько, чтоб можно было протиснуться кое-как, и демонстративно отвернулся. Чем выразил все, что он думает о недостойном субъекте.

Перед лестницей, больше похожей на мраморный дворец, пришлось очистить ботинки. Ванзаров чувствовал на спине прожигающий взгляд, но нарочно стряхивал слякоть с каждого каблука не торопясь. И еще вдобавок постучал, чтоб уж окончательно доконать швейцара. Коварное отмщение, что и говорить. Но с другой стороны, пачкать дорожку персидского ковра неприлично, а то и страшновато.

На втором этаже, сиявшем белизной и хрустальными подсвечниками, выбирать между квартирами не пришлось. Дверь мореного дуба виднелась в одиночестве. Что говорило о размерах квартиры. Две комнатки, которые Родион снимал в доходном доме на Садовой улице, выглядели на фоне этого жилища собачьей конурой. Ну да ладно.

Электрический звонок приятно залепетал. За дверью послышались быстрые шаги, и взволнованный голос прокричал нечто вроде:

– Ну, наконец-то, сколько тебя ждать, негодник!

Щелкнул замок, створка распахнулась. На пороге стояла дама, ничем не похожая на горничную. Или горничные в этом доме одеваются в шелковые халаты. Лицо ее закрывали ладони и широко расставленные пальцы, как от яркой вспышки.

– Не смотри на меня, я не готова! – сказала она игриво, обиженным тоном. – Как можно так опаздывать?

Чиновник полиции значительно кашлянул. Вздрогнув, дама разорвала занавес рук. Тут уж пришел черед вздрагивать Ванзарову.

Бледное чудовище, порождение ночных кошмаров и детских страхов, взирало на него, не мигая, в два огромных зрачка. Сердце, хоть и рыцарское, сделало неловкий удар. Прямо мороз по коже…

Родион поклонился, из вежливости не глядя на даму, пойманную врасплох. В самом деле, не каждый выдержит такое зрелище: женщина в косметической маске, и у глаз оставлены круги чистой кожи в оболочке белой дряни. Эмалировка лица пастообразной массой кого хочешь до обморока доведет. Бедный Ванзаров налетел на обратную сторону красоты. Любая женщина делает лицо прекрасным такими средствами, что жуть берет. Чтобы достичь идеала, надо окунуться в глубины уродства. Так, что-то мы увлеклись…

Отступив, дама тревожно спросила:

– Вы кто?

Напуганную женщину пришлось успокаивать официальными чинами. Но имя и фамилию Родион аккуратно не упомянул. Его выслушали, но войти не предложили.

– Что вам угодно? Я полицию не вызывала.

Непроизвольно обернувшись, он заметил внизу врага-швейцара, мечтавшего при малейшем шансе вытолкать проходимца вон.

– Госпожа Агапова?

Прозорливец попал в точку. Маска привидения снисходительно кивнула.

– У меня дело касаемо вашей дочери.

– Ну а я тут при чем?

– Думаю, нам лучше пройти в дом, если позволите… – И Родион чуть не ляпнул: «А то соседи услышат». Хотя какие тут соседи, только хищный швейцар внизу. Брезгливо пожав плечами, дама ушла в комнаты, предоставив гостю самому разбираться с дверью.

Вид прихожей, величественной и царственной, в дубовых панелях (как в рыцарском замке), внушал желание скинуть ботинки у порога, оставшись в носках. Квартирка Ванзарова поместилась бы здесь со всеми потрохами в одном углу. Не найдя вешалки (не на оленьи же рога цеплять!), Родион пристроил пальтишко со шляпой рядом с дамскими калошами и шагнул в гостиную.

В гигантском светлом зале, наполненном сиянием хрусталя, размещался филиал музея изящных искусств, не иначе. Ряды живописных полотен, статуи и статуэтки, тонкие вазы и массивные бронзовые украшения сделали бы честь любой выставке. Ванзаров плохо разбирался в художниках, но, кажется, здесь были тщательно собраны новомодные французские живописцы, древнеримские статуи и произведения современного резца. Попадалось кое-что неброское из русской живописи, в основном пейзажи. Сколько все это может стоить, даже трудно вообразить. Истинные шедевры, как известно, не имеют цены. Пока ее не назовет аукцион.

Стерев белую маску ужаса, хозяйка осталась в домашнем халате. Привольно разместившись на диванчике, она терпеливо ожидала, пока гостя окончательно доконают изыски храма красоты. И ненароком как бы давала понять, с кем придется иметь дело. Чтобы был почтителен и робок.

Справившись с впечатлением, Родион ощутил кое-что иное. В музее незримо витал мир женского рая – хрупкого и чистенького, так что хочется удавиться от наведенного уюта. Вышитые салфеточки на этажерках чего стоят. Все говорило о том, что жить в таком аду ни один мужчина не смог бы.

Пауза явно вышла за рамки приличий.

– Разбираетесь в живописи, господин сыщик?

Извинившись, Родион пояснил, что он – чиновник полиции.

– Это все равно, – ручка небрежно отмахнулась. – Говорите скорей, что у вас за причина. У меня мало времени.

На помощь пришел мгновенный портрет. Он быстро шептал на ухо: даме – за тридцать лет, но выглядит на десять лет моложе, великолепная, заботливо ухоженная, чувственная красота, избалована богатством, капризна и ленива, скорее вздорный характер, легко плачет и смеется, может быть ветрена и мстительна, в жизни полагается не на ум, а на женские чары. Не простой, быть может, опасный характер.

– Достаточно насмотрелись? – с вызовом и некоторой игривостью спросила она.

– Простите, я не знаю ваше…

– Клавдия Васильевна.

– Благодарю… – чиновник полиции старался быть деликатным, чтобы раньше времени не испугать. – Могу взглянуть на фотографию вашей дочери?

Пальчик указал рамку на камине.

В центре портретного снимка восседал господин дородной внешности, до удивления похожий на графа Витте. К нему прижались девчушки лет восьми, поразительно схожие между собой, а на коленях уместилось ангельское создание лет пяти с белокурыми локонами.

– Кто из них Эльвира Ивановна?

– Младшая. Вы довольны?

– Могу я побеседовать с вашим мужем? Боюсь, разговор будет для вас непростой.

– Иван Платонович умер год назад, – сказала Клавдия Васильевна, поправляя складки халата. – Оставил нас и мыловаренное дело, так сказать.

Ну конечно! «Паровая мыловарня Агапова» – на этикетке герб с медалями выставок и обертка желтоватой бумаги. Мыло, которым мылась вся страна. Знаменитые сорта «Бархатное», «Нежное» и «Пуховое». В недалеком детстве Родион особо ненавидел «Нежное»: оно давало обильную пену, которая жутко щипала глаза. Но вымывало до хруста кожи.

Между тем найти следы или улики горя в облике вдовушки не смог бы и сам Лебедев. Смиренно извинившись и за эту оплошность, Родион спросил, где сейчас Эльвира Ивановна. Любящая матушка издала звук вроде фырканья:

– Следить за ней, что ли? Эля – самостоятельная барышня, взрослая. Я не вмешиваюсь в жизнь дочери.

– Она сейчас дома?

– Что за глупости, ушла давно.

– Когда именно?

– Откуда мне знать? Еще днем. Объясните, наконец, в чем дело?

Не имея разрешения присесть, Ванзаров выбрал кресло как можно ближе к диванчику.

– Клавдия Васильевна, вынужден сообщить вам неприятное известие… Велика вероятность, что ваша дочь убита.

Следовало ожидать испуга, или истерических криков, или хоть слез. Не каждый день матери сообщают, что дочь ее погибла. Однако госпожа Агапова проявила исключительную выдержку. Сбросив ноги на ковер, села прямо и с глубочайшим удивлением переспросила:

– Убита?! Эля?!

– Это можно будет знать наверняка после того, как вы…

– Когда это случилось?

– Сегодня днем. Вам необходимо сейчас поехать…

– Где?

– Нашли на улице мертвой.

– Ее что, пролетка сбила?

– Отчего так решили? – спросил Родион, пытаясь осознать, что происходит: быть может, так выглядит нервный срыв у специфических особ, и это истерика, только холодная?

– Как еще можно погибнуть на улице? Не сосулька же ей на голову упала.

– Нет, не сосулька. Госпожу Агапову зарезали. Извините…

Кажется, извинения были излишни. Клавдия Васильевна погрузилась в раздумья, затем резко вскочила и крикнула:

– Лада, Ляля, идите сюда немедленно!

Появление красивой женщины в лесу, в казарме или в глухом переулке всегда неожиданно. Но в этом храме красоты следовало ожидать чего-то подобного. И все же Ванзаров оплошал. Красоты было в два раза больше. Парочка выплыла как видение, как гений чистой красоты. Как… Ну, хватит бродить в воображении героя, и так слюнки текут.

Дурман сгинул, Родион смог оценить сестер. Барышни были в соку, то есть в буйном цветении прелести двадцатилетних женщин. На детской фотографии схожести куда больше. Теперь, быть может нарочно, они старались

подчеркивать различия. Одна носила прическу из локонов, другая – уложила аккуратный каравай. Первая надела изумрудное платье с глубоким вырезом, ее сестра – туалет, в котором смелое декольте манило куда больше атласа небесной лазури. Впрочем, спины обеих наглухо прикрывала ткань. Губки одной имели приятный оттенок розовых лепестков, у другой полыхали ярко-алой зарей. Девушки с интересом рассматривали невежливого гостя.

Опомнившись, Родион подскочил и отвесил глубокий поклон.

– Это господин из полиции, – раздраженно сказала мать их. – Эм-м, как вас?

– Чиж Антон Иванович, – представился Ванзаров, вспомнив фамилию мелкого чиновника сыскной полиции. Наверняка неизвестного хозяевам. Взял псевдоним, так сказать. На всякий случай.

– Господин Чиж говорит, что Эля…

Госпожа Агапова не смогла закончить. Но барышень, кажется, больше интересовало другое.

– Какой милый юный сыщик, – сладко пролепетала Ляля.

– И какие роскошные усы, – согласилась Лада.

– И бледность такая интересная, ему ужасно идет!

– Соблазнительный чижик-пыжик!

– Просто мяу! – сказала Ляля.

– Что, простите? – слегка обалдев, спросил Ванзаров.

– Вы такой аппетитный, просто – ам!

– Да, аппетитный чижик, ам-ам!

Последний раз Родиона называли «аппетитным» в трехлетнем возрасте, когда бабушка в имении пичкала его пирогами, а кухарка не могла нарадоваться, как ребенок уплетает сдобу. Но чтобы солидного чиновника полиции назвали «аппетитным», это, знаете ли… Больше всего удивляло, что безымянные пальчики сестер украшены обручальными кольцами. Куда смотрят мужья, в самом деле? Неужели красота сделала их слепыми? Или приданое все покрывает?

– Девочки, Элю убили, – сказала Клавдия Васильевна.

Девочки переглянулись.

– Неужели? – с интересом спросила Ляля.

– Как забавно, – согласилась Лада.

Все-таки горю в этой семье предаются красиво, если не сказать своеобразно. Однако и прелести надоедают хуже перца. Новый господин Чиж решительно взял дело в мозолистые ладони. Ну, или какие там у него…

– Мы полагаем, что убита Эльвира Ивановна. Необходимо прямо сейчас выехать в 4-й Казанский участок на опознание тела.

Трепетная мать впервые испугалась:

– Ах, нет, я не могу! Слезы и переживания сейчас не ко времени. В субботу конкурс, я должна быть готова. Разве что после…

И, безутешно взмахнув рукавами, попросту удалилась.

Всю строгость полиции Родион обратил на сестер:

– Я настоятельно требую, чтобы кто-то из родственников поехал со мной.

Красотки заметно скисли.

– Морг – это так скучно, – проговорила Ляля.

– Нет, мы испугаемся, цвет лица испортится, – сказала Лада.

Кажется, обе собирались удрать вслед за Клавдией Васильевной. Ну, что тут делать, не за руки же хватать!

Ванзаров изготовился обрушить на хрупкие головки всю силу красноречия, как вдруг из коридора раздался хруст. Без сомнения: в дверях поворачивали ключ. Сестры обменялись немыми вопросами и как по команде передвинулись за чиновника полиции. Вот она, женская натура: чуть грянет гром – сразу в кусты. Даже аппетитный сыщик пригодился.

Жизнь доходного дома по Гагаринской улице бедна на развлечения. Редко когда случится шумное происшествие. Ничто не разнообразит тихое протекание быта. Недостает солидным квартирантам огонька и куража, каких сколько угодно в домах победнее. Не хватает им ярких соседей, всегда готовых веселить пьяным дебошем с разбитыми окнами иль дворовым побоищем с трехэтажными криками. А потому любой шум уже вызывает любопытство.

В середине дня началось нечто странное. Что именно – понять было трудно. Но шуму случилось достаточно. Жильцы третьего этажа с интересом приникли к замочным скважинам, а самые нетерпеливые даже сунули нос в приоткрытые створки.

Возмущение спокойствия произошло за дверью квартиры, в которой жила молодая чета. Все знали, что люди это солидные, имеют достаток, который позволяет супругу не бегать каждый день на службу, а вести разнообразно-интересный образ жизни. Жена его и вовсе производила самое приятное впечатление: девушка строгая, правильная и вежливая. Как говорили: не по годам мудрая. Яростные выкрики под звон посуды казались совершенно невозможными для этого семейства. Однако натуральный скандал гремел, как весенняя гроза в октябре.

Необычное происшествие привлекло интерес. С некоторой опаской соседи выползли на лестничную клетку. Здесь крики стали отчетливей, так что откровенно подслушивать не было нужды. Вникнуть в подробности ссоры не

составило труда. Дражайшая супруга обвиняла благоверного со всей яростью женщины, раненной в самое сердце. Голос ее разносился набатом, а противная сторона не подавала явных признаков отпора. Молодого мужа честили разными эпитетами, но повторить рискнем лишь самые мягкие из них, а именно: «грязная свинья», «похотливый кобель» и «классический негодяй». Все прочие относились к выражениям, запрещенным цензурой.

Соседи узнали много нового про облик молодого человека. Оказалось: у него нет ни стыда, ни совести, думает он только о своих удовольствиях и вообще растоптал все самое святое, что было между супругами. Еще: ничтожнейшая личность, которая не заслуживает даже презрения. Под конец ему пожелали сдохнуть под забором и приказали никогда больше не показываться на глаза.

Замок крякнул с такой натугой, будто его вырывали с корнем. Стайкой испуганных птичек соседи кинулись по норкам.

На порог семейного гнездышка выпорхнул молодой человек упитанной наружности с пылающими щеками и слезливыми глазками. Обернувшись, он бросил дрожащим от плача голосом:

– Ты недостойная женщина! Мелкая и ничтожная! Между нами все кончено!

Невидимая сила вытолкнула его на лестничную площадку. Господин попятился, что наблюдатели сочли проявлением откровенной трусости. Но было от чего спасовать. Из проема медленно вышла барышня цветущих лет. Но соседям показалось, будто из пещеры выполз разъяренный дракон. Так страшен и беспощаден был взгляд ее. Кое-кто благодарил прочные створки, что защищали от чудовища. Только молодой человек был беззащитен. Стоял перед ней один-одинешенек.

– Повтори, что ты сказал, – попросил дракон в женском обличье.

Муж (по названию, но не по храбрости) несколько отступил – так, что оказался на краю лестницы, – и уж тут заявил:

– Кончено… все… между… это… ну… то есть… И вообще ты меня никогда не понимала!

– После того, что я тебе прощала…

– Нет… ну, зачем же…

– После того, как я на все закрывала глаза…

– Ты преувеличиваешь…

– После того, что я чуть не сопли тебе утирала…

– Ну, Юленька…

– Ты посмел заявить мне такое?!

К этому моменту дракон уже распалился настолько, что притихшим зрителям натурально привиделся сноп пламени из ноздрей. Женщина приблизилась слишком близко к несчастной жертве, которой пришлось отступить на пару ступенек вниз. Лицо молодого человека оказалось на уровне ее груди.

– Значит, между нами все кончено? – спросила она.

И не успел муж рта открыть, как получил размашистый удар женским кулачком в лицо. Не хуже боксерского хука. И где драконов такому учат?

Только крепкое тело и солидный вес позволили мужу устоять, а не полететь кубарем. Господин охнул, схватился за подбитый глаз и плаксиво заявил:

– Как я был слеп! Прощай навек!

Чтобы не ослепнуть на самом деле, он бежал со всех ног. Барышня потирала ударенные пальчики. Почему-то она не послала мужу вслед проклятья и даже не плюнула, а напротив: чему-то улыбнулась. Соседи решили, что разрыв случился окончательный. И жалели, что представление вышло кратким. Однако и об этом можно судачить. Мирная жизнь вернулась в привычное русло. Даже дворника звать не пришлось.

Беспричинный страх пахнет гниением. Издохнет в подполе мышь – и вот, сначала струится легкий запашок, а потом от аромата некуда деться, везде достанет, хоть паркет снимай. Сестры пребывали в густом облаке страха. Даже у храброго чиновника полиции отчего-то пробежала электрическая мурашка по спине.

Замок поддался, хлопнула дверь. В прихожей кто-то шуршал.

– У кого есть ключ от квартиры? – тихо спросил Родион.

– У горничной, кажется, – еле слышно ответила Ляля.

– Нет, Лизка ключа не берет, – прошептала Лада.

– Тогда кто это?!

Только на краткий миг Ванзаров пожалел, что не носит револьвер. Потому что в следующую секунду дверь гостиной медленно отворилась.

Вошла невысокая, довольно стройная девушка в сером платье с глухим воротом. Лицо ее, не столько привлекательное, сколько правильное, трудно было назвать выдающимся. Общее впечатление было невыразительным. Нет, девушка не была уродливой. Мимо такой пройдешь на улице и не оглянешься. Не было в ней той изюминки, что так манит мужчин. Быть может, слишком высокий лоб и чуть крупноватые глаза портили это лицо. Впрочем, одна деталь выделялась: волосы глубокого черного отлива подстрижены вызывающе коротко. Носить такую прическу могла барышня, уверенная в своих силах. И равнодушная к чужому мнению. Не то что к моде.

– В прихожей тряпка брошена, Лиза не уследила?

Голос у нее был тихий, но жесткий.

– Простите, это мое пальто, – сказал Родион, чувствуя, как краснеет ухо.

К нему обратились с молчаливым удивлением. Но даже бровью не повели. Ванзаров уже собрался прояснить свою личность, как вдруг сестры с визгом

бросились на нее, обняли кучей, стали уцеловывать и кричать:

– Эличка! Родная! Ты жива! Какое счастье!

Эльвира Ивановна, целая и невредимая, отстранилась от буйной радости и строго спросила:

– Что это значит?

Но Ляля с Ладой не успокоились, а стали звать мать. Клавдия Васильевна проявилась тут же, осмотрела воскресшую дочь, сказала:

– Ну, слава богу. Я так переживала. Теперь придется еще раз кремом лицо мазать. – И тут же удалилась.

Сестры подхватили Элю под руки и радостно зашептались, показывая на незнакомца.

Если бы кто-то мог заглянуть ему в душу, как можем мы, то он обнаружил бы, что досада в нем смешалась со стыдом. Мало того, что жертва опознана неправильно, так еще устроил переполох в счастливом семействе. Но ведь платье и хризантема с четверкой – ее. Значит, не все так просто.

Освободившись от сестринских объятий, Эльвира решительно подошла к смущенному гостю и, глядя прямо в глаза, спросила:

– Вам я обязана вторым рождением, господин Чиж?

Чиновник полиции молча поклонился.

– Извините, что оказалась жива.

Родион улыбнулся, как порой умел: располагающе и хитро. Усы – крыльями.

– Наоборот, очень рад.

Его изучили внимательно, излишне тщательно для юной барышни, что-то там решили в умной головке и вынесли приговор:

– Что же, раз все счастливо разрешилось…

– Не совсем… Могу просить вас на приватную беседу?

– Конечно, почему же нет. – Эля взглянула не сестер и продолжила: – Хотите пообедать? У нас в столовой не накрыто, гостей не ждали. Но у Митрича на кухне наверняка готово. Сегодня он грозился жареными птичками и лангустами. Согласны?

Еще недавно одно название блюд поднимало в молодом организме волну аппетита. Но нынешний Ванзаров был холоден к кулинарным удовольствиям. Если не сказать равнодушен. А все дело в том, что… Ну, сейчас не до этого.

С благодарностью, но без сожалений он отказался.

– Тогда прошу в кабинет, – пальчик тонкой указкой дал направление.

Гигантский холл, называемый кабинетом, горел обоями ярко-кровавого цвета с крупными цветами. Свободные места на стене занимали картины, а остальное пространство – скульптуры и статуэтки. Многие были древними, некоторые даже египетскими. Воздух комнаты пропитался ароматом фруктового табака. Эльвира наблюдала за гостем: как ведет, что рассматривает.

– Вон там маленький Рембрандт, не пропустите, – направила она внимание на темное полотно с изображением какого-то царька.

Чтобы не показаться невежливым, Родион послушно изучил картину, скорее эскиз. Действительно: царь. Древний и мифический. Кого-то напоминает. Но какое до него сейчас дело.

– Садитесь, где удобно. Это кабинет отца. В нем ремонт сделали недавно, теперь я тут живу. Обои поклеили самого модного фасона. Вам нравится?.. Благодарю…

Маленький диванчик в шелковых подушках, кажется, служил девичьим ложем.

– Сильно любили отца? – спросил Ванзаров, садясь на массивный резной стул.

– Это слишком большой вопрос для короткого разговора. В субботу будет год, как его не стало… Он слишком много значил для меня… Для всех нас. Отец своим трудом составил капитал, начинал с крохотной мыловарни и вот достиг всего. Теперь это надо кому-то сохранить.

– Простите, но в субботу будет конкурс красавиц…

– Как раз снимем траур, – Эля не улыбнулась. – С панихиды на праздник.

– Не велика ли цена для конкурса?

– Его Иван Платонович задумал. И дал необходимые средства. Я должна выполнить волю отца. Он хотел, чтобы я участвовала. Это ради его памяти. Отец верил в красоту, собирал ее, оберегал и делал все, чтобы красоты в мире становилось больше. Нашел самую красивую женщину в мире, на которой женился.

– Но, кажется, ваша матушка…

– Да, она тоже участвует. И сестры. Вас что-то смущает?

– Мне показалось, у вас странные отношения…

– Не обращайте внимания. Как говорится: «Nulla familia sine macula est»[5 - Нет семьи без пятнышка (лат.).]. У нас очень дружная и любящая семья. Сестры вышли замуж, живут своими домами, через три года мой черед.

– Окончили классические курсы?

– Благодаря отцу получила неплохое домашнее образование. Он хотел, чтобы мы были разносторонними личностями. А не замужними курицами.

Трудно поверить, что младший ребенок настолько не похож на старших. Природа обделила ее красотой, но щедро восполнила иным. Вот только неизвестно, насколько острый ум нужен девушке для семейного счастья. Не обрежется ли оно?

– Хотите знать, почему у меня черные волосы? – спросила Эля.

– Если угодно…

– Когда умер отец, со мной что-то случилось. У меня были светло-золотистые кудри. Но на следующее утро стали чернеть. Кто-то седеет с горя, а я вот превратилась в брюнетку… Да, что же! – вдруг вскрикнула Эля. – Какой вы хитрец, Антон Иванович, настоящий сыщик, вытрясли из меня что хотели. Я болтаю, как Ляля, а вы молчок. А ну, выкладывайте, с чего вы решили, что убита именно я?

Господин Ванзаров втайне полагал, что неплохо разбирается в женщинах. Особенно в барышнях. Особенно с васильковыми глазами. Кстати, у этой глаза глубоко-карие. Хорошо, что в них влюбиться невозможно, не то что в других… Да, так вот… Родион искренно полагал, что знает женские повадки и может их предугадывать, а то и управлять ими по своей воле. Но госпожа Агапова разбила хрупкую уверенность вдребезги. Как себя вести с маленькой брюнеткой – непонятно. Кажется, она была сильнее. И потому оставалось одно средство: правда. Ну, почти правда.

– Сегодня на улице была найдена мертвая девушка…

– Ac cadaver?[6 - Как труп?]

– Совершенно cadaver, даже заледенела. Примерно вашего возраста и телосложения. Во всяком случае, платье с розочками, которое описала госпожа Маслова, было признано вашим. Как и хризантема с цифрой «четыре».

– Тетю Лиду допрашивали из-за этого?

– Выяснял, – подправил Ванзаров. – К счастью, жертвой оказались не вы. Теперь надо найти кто. Если только не согласитесь съездить на опознание, но…

От него потребовали тишины повелительным жестом.

– Говорите, платье в розочках и мой номер?

Подтверждения были излишни.

– Это платье у меня выпросила Лиза, наша горничная. Для чего-то ей надо было. Мне не жалко, а ей радость. Я и разрешила взять.

– Дома ли она?

Эля вышла и быстро вернулась, села тихо:

– С утра ушла. Никто не знает куда. Уже давно должна быть… Вы думаете…

– Думать некогда, опишите вашу горничную.

Умная барышня задумалась и смогла сказать только: хорошенькая. Под такой словесный портрет подходила большая часть прекрасной половины столицы. Ну нельзя же требовать от девушки точное описание, как в антропометрическом бюро.

– Сколько ей лет?

– Не представляю… Очень свежа и молода.

– У Лизы были недоброжелатели?

– Какие враги могут быть у горничной? Милейшее существо, простодушное, глуповатое, но честное. Очень строгих правил, даже излишне строгих. Мечтает только об одном: выйти замуж. Мы очень дружны с ней. Кому надо ее убивать?

Именно это он и предполагал услышать.

– В таком случае, Эльвира Ивановна, ответьте честно, как на исповеди…

– Как прикажете, Антон Иванович…

– Может ли кто-то желать вашей смерти?

Его смерили презрительным взглядом:

– А вы мне показались умным человеком, не как полицейский.

– Вы обещали ответить.

Сделав ручкой особенный жест, очень женский, Эля сказала:

– Посмотрите на меня: откуда у такой барышни враги? Я ведь еще не замужем.

– И никого, даже самым нелепым образом, не можете подозревать?

– Разумеется – нет! Какой в этом смысл? О чем вы, господин Чиж?

Вот теперь следовало нанести удар, который тайно ковался под молотом логики. Для солидности Родион вскочил:

– Смысл не видите? Смысл простой. Кто-то не знает вас в лицо. Но у него есть точное описание: хризантема с четверкой и платье с розочками. Перепутать невозможно. Он знает только одно: вы обязаны прибыть на собрание. Концертный зал «Помпеи» – место общедоступное, гуляй сколько хочешь. Остается дождаться девушку с четверкой около зала, пригласить под каким-то предлогом в тихое место и там закончить дело. И выбросить труп на улицу. Весь смысл перед вами.

Барышня притихла. От уверенности не осталось и следа. Неужели напугана?

– Вы полагаете… – начала она.

Но Ванзаров закрепил победу:

– Не я – логика. На вас было совершено покушение. Вернее – на девушку с хризантемой. Нельзя предвидеть, что барышни поменяются платьями, а вы останетесь на фабрике. Лиза оказалась на вашем месте случайно и погибла. Меньше всего меня волнует сам убийца, это наемник, найти его несложно. Надо поймать того, кто его послал. Без вашей помощи это невозможно.

– Как ее убили?

– Скажем, ножом по горлу.

Храбрая девица невольно вздрогнула. Смерть горничной она переживала куда искренней и сильней, чем сестры с матерью оплакивали ее. Такой вот парадокс.

– Лизу жалко ужасно. Но я не знаю, чем вам помочь. Не представляю, кому нужна моя смерть. Да еще такая.

– Где вы были с утра? – вдруг спросил Родион.

– В конторе нашей фабрики, на Курляндской улице. Пытаюсь изучить дело. Отец не успел передать, приходится самой разбираться.

– Сколько там пробыли?

– Весь день, оттуда сразу домой на извозчике.

– Почему не поехали на собрание конкурса?

– Жалко тратить время на такие глупости. Уж как-нибудь справлюсь…

– Кто-нибудь знал о ваших планах на день?

– Секретаря у меня нет.

– Тогда не ищите вашего убийцу на фабрике.

– Почему так думаете?

– Вы были на виду. Если бы кто-то из фабричных планировал вас убить, не пришлось бы усложнять задачу платьем и хризантемой. Ошибки бы не случилось. Нельзя предвидеть, что барышня предпочтет дамским посиделкам и болтовне о платьях скучную контору.

– Господин Чиж, на что вы намекаете?

Собрав всю силу внушения, какой обладал, Родион сказал:

– Отриньте все привычное и посмотрите холодным взглядом логики. Ваш убийца где-то рядом. Ему нужно, чтобы вы умерли. Он неопытен: нанял глупого исполнителя. И погубил невинную душу. Думайте: кто это может быть? Кому выгодна ваша смерть?

– Таких людей нет, – твердо ответила Эля.

– Фамилия Ванзаров вам что-то говорит? Среди дальних или очень дальних знакомых?

– Нет… А кто это?

– Он проходит по этому делу. Пытаемся выяснить что-нибудь.

– Антон Иванович, я ценю ваше старание, мне очень приятно, но поверьте: логика завела вас в тупик. Единственное, что я могу для вас сделать, – это поехать на опознание. Если нужно. Ради Лизы – хоть сейчас.

Нет, все-таки замечательная девушка. И хорошо, что не красавица. Ванзаров дал страшную клятву защитить ее любой ценой, чего бы это ни стоило его карьере. Про себя, разумеется. А вслух выразил свое восхищение мужеству и предложил не откладывать неприятную процедуру. Чтобы окончательно убедиться.

Вышли в гостиную. Эля только успела накинуть платок, как дверной звоночек разразился трелью. Словно спринтер, Клавдия Васильевна бросилась к двери. Что за гость такой долгожданный?

Цветочный магазин Ремпена известен на всю столицу. Когда нужен букет для свадьбы или другой приятной цели, одна дорога – к Ремпену. Хоть цветочки и стоили, как ужин в дорогом ресторане, но зато каждая барышня мечтала получить розы из этого магазина. Раз молодой человек преподнес растения от Ремпена, значит, намерения серьезные. На всякую ерунду столько тратить не будет.

В витрине располагались китайские вазы, в которых свежий товар был выставлен на всеобщий показ. Задержаться и поглазеть на цветочное изобилие считалось приятным развлечением. У витрины всегда торчала парочка зевак. Однако сегодня собралась немаленькая толпа. Ботаников или садовников среди публики незаметно, а все больше господа приличного вида. Неудержимое любопытство вызвали предметы, помещенные среди букетов для публичного знакомства, так сказать. А именно: призы первого Конкурса красавиц.

Здесь было чему удивляться. Победные трофеи красавиц казались неподъемными даже для иных мужчин. Так, например, над табличкой, извещавшей о призе за третье место, возвышался разъезд казаков чугунного литья с копьями и конями в поводу, весом в целый пуд и размером с добрый ящик. Подарок годился для кабинета генерала от кавалерии, но загадочным образом должен был радовать девушку. Наградой за второе место служила еще более уродливая вещь: литые бронзовые часы, над циферблатом которых торчали купидоны и загадочные звери – помесь змеи с крокодилом. Но главный приз превзошел все мрачные фантазии. Гигантская, иначе не скажешь, ваза, в которой жить можно, ростом с доброго городового, занимала витрину до самого верха. Многочисленные цветочки на фарфоре призваны были скрасить гнетущее впечатление. Для чего выбраны такие призы – было главным вопросом, занимавшим публику. Смешки и разговорчики, особенно из дамских уст, выносили уничтожающий приговор: кошмар и безобразие. Как обычно у нас: любое хорошее дело испортят глупостью. Вот если бы меня спросили, как надо… Ну и прочие любимые темы обывателей, которым и мороз не помеха.

Толпа судачила, но не расходилась. Как вдруг, совсем рядом, раздалось пение. Мотив был незнаком, но певец так старательно и душевно выводил незнакомые слова, что всеобщее внимание немедленно переключилось на него. И недаром.

Негр огромного роста в приличном, хоть и излишне полосатом костюме выводил голосом такие чудесные звуки, что публика была околдована. Никто не понял ни слова, но нежная, чуть щемящая мелодия, прилетевшая из далеких земель,

зазвенела на русском морозе с нежданной теплотой. Невиданное чудо пело так проникновенно, будто хотело передать всю теплоту своего большого сердца этим незнакомым людям. Даже городовой, что всегда стоит поблизости, заслушался.

Песня кончилась. Исполнение наградили овацией. Чернокожий певец поклонился, протянул шляпу, которую скрывал за спиной, и, расплывшись чудесной улыбкой, быстро заговорил. Смысл был недоступен. Его старались угадать в знакомых звуках.

– Что-то про Маню говорит… – пояснили одни.

– Кажется, теперь про лов начал… – разобрали другие.

– Рыбный улов, что ли, интересует?

– Милейший, какой сейчас лов! Зима на дворе – нет лова!

– При чем тут лов? Он же отчетливо «лав» говорит. Какая досада: вот знал и забыл, что это значит!

– Опять какую-то Маню поминает. Барышню потерял, что ли?

– Нет тут Мани, уважаемый…

– Позвольте, не Маня, а «мани»…

– Это что же такое?

С гостем столицы пытались говорить по-французски, и даже знаток немецкого нашелся. Все без толку. Он улыбался широко и добродушно, кивал, но ничего не понял. Только шляпу протягивал. Простая мысль, что певцу, быть может, нужно немножко денег, почему-то никому не пришла в голову. Уж больно солидно выглядел он для попрошайки. Нет таких нищих в России, чтоб в костюме и шляпе милостыню просить. Да и место не самое подходящее.

И все же городовой насторожился. Не понравился чужестранец стражу порядка. Уж больно подозрительно себя ведет. Как бы чего не вышло. Приказав толпе подать назад, городовой решительно двинулся к певцу и потребовал «немедленно прекратить безобразие». Черный гигант только шире улыбнулся и протянул шляпу городовому.

Это совершенно недопустимо. Оценив физические данные противника, городовой подал тревожный сигнал. На свисток мигом примчались соседние постовые. И подхватив великана под локотки, предложили мирно пройти в участок. Он не сопротивлялся и даже радостно согласился. Нацепив на кудрявую голову шляпу, стражи порядка быстро уволокли нарушителя спокойствия с центральной улицы. А толпа еще долго обсуждала забавное происшествие. Но больше всего – удивительное пение. Прямо в душу запало.

В прихожей разразились гневные восклицания. Что-то сильно раздражало госпожу Агапову. За плотными дверями было трудно различить смысл сказанного, но Родион на всякий случай изготовился сносить укоры за пальто, которому в этом доме только тряпкой служить.

Клавдия Васильевна выскочила стремительно, ни на кого не глядя, клокоча гневом и все так же фыркая. Явно попался не тот, кого она с нетерпением ждала.

– …всякой дверь открывать! – послышался обрывок возмущения.

Шелковый халат, сверкнув бликами, исчез разноцветной молнией. А Эля почему-то села как подкошенная, словно силы внезапно оставили ее.

В проеме появилась серенькая юбка, а за ней нетвердой походкой вся девушка. Была она излишне растрепана, на щеках плыли пятна румянца, а взгляд бесцельно шарил по гостиной. Наткнувшись на Эльвиру Ивановну, девица осклабилась и пробормотала:

– Элчка…

Косяк двери помог сохранить равновесие. Бедняжку пошатывало отчаянно. Ей требовалась чья-то помощь, чтобы сделать следующий шаг. В гостиной находился только один джентльмен, он же настоящий рыцарь от полиции, но почему-то на Родиона напало отупение вроде столбняка.

– Чё, вы гспда… – попыталась сказать веселая барышня, но запуталась в языке и глупо захихикала.

Храбрая брюнетка пребывала в глубочайшей растерянности. Что уж говорить о Родионе. Явление живого трупа никак не входило в планы быстрого розыска. Хуже этого ничего не придумаешь. И так понятно: недавно зарезанная и замерзшая горничная – живехонька. Правда, не совсем в себе. С чего бы это ей так надраться?

Первой обрела волю Эльвира. Обхватив девушку, попробовала оторвать ее от двери, но сил не хватило. Помощь уже спешила. Родион бережно поднял женское тело, стараясь не дышать ядреным перегаром. По запаху в горничную влили не меньше штофа[7 - Старинная мера жидкостей, 1 штоф = 1,25 литра.] дрянного вина. Лиза уютно свернулась у него на руках. Совсем легкая. Что и говорить, картина умилительная: полиция выносит бесчувственную девушку. Лебедев бы прослезился.

– В спальню несем? – спросил расхрабрившийся Родион. И ведь даже не понял, герой, какое счастье привалило: впервые в жизни носит девушку на руках. Причем живую и хорошенькую, хоть и пьяную. Нет, бесчувственный медведь, одним словом.

– Давайте на кухню.

Царство кастрюль и сковородок несло печать величия, как и все в доме мыльного короля. Дровяная плита размером с маленький дом в изразцах, ряды медной посуды на любую фантазию и даже собственный шкаф-ледник (вещь редчайшая, американская) говорили сами за себя: покойный хозяин поклонялся не только красоте, но и гастрономии. Что верно: отменно запеченный поросенок с гречневой кашей даст фору любой красотке или картине маслом какого-нибудь передвижника. Центр кухни занимал массивный обеденный стол, накрытый на четыре персоны. Среди тарелок, блиставших зеркальной чистотой, уже возвышались блюда с холодными закусками. Сегодня на обед подавали:

говядину по-фламандски, лангустовые шейки а-ля Стэнли и жареные ортоланы с крутонами. Ароматы провансальских трав, соусов и майонеза щекотали обонятельные точки нежными мечтами. Но Родион остался глух к великолепию обеда. Прямо не узнать юношу: раньше от еды за уши не оторвать, такой гурман прожорливый. А теперь? И ведь все потому… Нет, сейчас не об этом.

Главное богатство кухни олицетворял повар Митрич. Статный мужчина, на две головы выше Ванзарова, блистал белозубой улыбкой, а загорелый лик его украшал отменный галльский нос в форме кривой морковки. Ну а какой повар, как не выписанный француз, может творить в таком хозяйстве?

Явление обомлевшей Лизы не произвело должного фурора. Видно, месье Митрич не такого навидался с прежним хозяином. Весело присвистнув и издав непременное «о-ля-ля!», он деловито смешал в граненом стакане пяток разноцветных жидкостей, долил ложку водки и прибавил сырое яйцо. Затем, нежно положив тело на руку, влил в него содержимое, омерзительное по виду. Лиза сильно закашлялась, так что потребовалось полотенце, но вскоре взглянула на мир осмысленными глазами.

– Ох, простите меня… – хрипло проговорила она.

– Желаете допросить покойную тет-а-тет? – тихонько спросила Эля.

Что оставалось сыскной полиции, когда умная барышня угадывает желания? Скрипнуть зубами и вежливо согласиться.

– Только маленькая просьба, Антон Иванович, не ищите в нашем доме больше никаких трупов, теперь, слава богу, все живы.

– Я постараюсь, Эльвира Ивановна.

– Вот и постарайтесь. Только после мне все перескажите. Договорились?

– Все, что смогу.

– Чудесно. Митрич, за мной!

– Oui, mon ge?ne?ral![8 - Да, мой генерал! (фр.)] – ответил повар, воткнул разделочный тесак в поварскую доску и последовал за своей госпожой, как истинный мушкетер: с гордо поднятой головой.

Лиза тихонько застонала.

– Вам плохо? Может, воды? – засуетился Ванзаров.

– Нет, не надо ничего… Вы кто?

Господин Чиж не скрыл служебное положение.

– Сыскная полиция… А зачем?

– Елизавета… Простите, как по отчеству?

– Просто Лиза, так привычней.

– Хорошо, Лиза. Сегодня утром Эльвира Ивановна дала вам свое платье, такое в розочках, с большим вырезом. И на плечо еще украшение: хризантема с циферкой внутри… Что такое?

Лиза зашлась оглушительным ревом, с размазыванием слез по щекам, иканием и нервным питьем воды – аж зубы клацали. А ведь барышня Агапова дала точный портрет: миленькая дуреха. Как славно, что не все женщины умны. И ничего, живут счастливо.

Кое-как успокоившись, Лиза наконец пробормотала:

– Из-за него все…

Потребовались ласковые уговоры и залпы вздохов, чтобы горничная смогла внятно рассказать.

…Получив заветное платье, Лизавета со всех ног побежала в «Помпеи», мечтая записаться на конкурс красавиц. Свое личико, лелеемое косметическими

средствами, и фигурку, сохраняемую строгостями в еде, она считала достойными не только участия, но и самой победы. Однако радужная мечта померкла, как только она предстала перед хозяйкой конкурса. «Омерзительная жирная старуха» (характеристика Лизы) придирчиво осмотрела ее и осталась крайне недовольна. Тонкая девушка – как в талии, так и в чувствах – занервничала, но держала себя в руках. Так омерзительно ее никогда еще не разглядывали «сальным, гадким взглядом» (опять ее слова). Тогда «мерзкая жаба» (понятно кто) стала выяснять, чем барышня занимается и на что живет. Особо «старуху» интересовало, не является ли она билетной, бланковой или кабинетной[9 - Виды официально зарегистрированных проституток.]. Лиза с гневом отвергла подозрения: она бедная, но честная девушка, зарабатывает на хлеб руками, а не иными частями тела. Строгий ответ еще больше разозлил «каргу». Она заявила, что каждая участница конкурса должна иметь не менее трех оригинальных платьев. Лиза готова была продемонстрировать одно немедленно. Ей позволили зайти за ширму, где было зеркало в рост, и переодеться. Розочки с вырезом удивительно ей шли. Не имея иных украшений, Лиза приколола на левое плечо искусственную хризантему. Как только она появилась из-за ширмы, с «ведьмой» случился настоящий припадок. Она принялась «вопить дурным голосом», что Лиза украла наряд участницы конкурса и единственный способ избежать полиции – немедленно бросить платье и никогда здесь не появляться. Нервы бедной девушки не выдержали: заливаясь слезами, она скинула проклятую одежку, кое-как переоделась в свое и выбежала вон.

– Со мной обошлись так потому, что я – горничная. Человек второго сорта. Разве имеет право прислуга быть красивее барынь! Еще чего доброго обскачет. Вот меня и проучили, чтоб знала куда соваться, – закончила она.

– Что дальше случилось? – заботливо спросил Родион.

– А то и случилось, кабаков много, утешили добрые люди. Уж лапать стали, не знаю, как вырвалась, по улице вели, еле отстали.

– Как же с платьем?

– Ничего с ним не будет. Ведьма эта небось сама Эльвире Ивановне притащит еще с извинениями…

– Где вы его оставили?

Лиза посмотрела на мучителя глазами, полными слез:

– Вам-то что за дело до таких пустяков? Ну, за ширмой, кажется, бросила на пол. Плохо помню. Все смешалось…

– Кто-нибудь видел ваше переодевание?

– Я пораньше прибежала, старуха мерзкая одна в зале сидела.

– Который час был, хотя бы примерно?

– Не видала часов, не до того было, после трех, наверно…

– Давно в этом доме служите? – спросил Родион.

– Года два или что-то вроде…

– Эльвира Ивановна говорит, что вы большие подруги.

Чуть помедлив, Лиза ответила:

– Как барыне будет угодно.

Родион еще собирался узнать, как это хрупкая девушка в одиночку справляется с таким домом, но веселый звоночек дал о себе знать. Скорее врожденное любопытство и проклятая страсть совать нос куда не надо подхватили юного чиновника и понесли в гостиную. И как раз вовремя: он застал сцену, явно не предназначенную для посторонних глаз.

Клавдия Васильевна, в том же халате, нежно приникла к груди гостя, так что закрыла его совсем. Нежданное появление Ванзарова застало ее врасплох. Вдовушка резко отпрыгнула, словно оказалась в объятиях незнакомца случайно, оправила прическу и с нервной улыбкой спросила:

– Как, вы еще здесь? А я думала, уже закончили… Но все равно приятно…

И Ванзарову было приятно увидеть кое-что новое.

– Это из полиции чиновник… То ли Скворцов, то ли Воробьев… – госпожа Агапова изобразила легкомысленный жест, дескать, кто их там разберет, пернатых.

– Чиж Антон Иванович, – Родион поклонился гостю.

Вспомнив, что она вежливая хозяйка, Клавдия Васильевна с нежными нотками произнесла:

– Позвольте представить: князь Эгисиани. Наш… друг. То есть друг нашего дома.

– Анзор Шалвович! – пояснил князь. И гордо поклонился, то есть чуть нагнул подбородок. Настоящий друг дома, кто бы сомневался.

Кроме сочного акцента, в князе не нашлось достоинств. Если снять с него красную черкеску с золочеными газырями и шелковыми отворотами да начищенные сапожки юфтевой кожи, останется худощавый юнец, распираемый непомерной аристократической гордостью. Цыплячья грудка и дряблые ножки стали бы позором семьи в горном ауле. Но в столице империи князь, у которого не было ничего, кроме имени, принимался с почтением и любовью. Как и было принято поступать со всей родовой знатью покоренного Востока. Эгисиани сверкал черными глазками, топорща иголочки усиков, но руку держал на эфесе огромного кинжала, как полагается настоящему джигиту. Что еще нужно, чтобы женское сердечко забилось от томного образа восточного рыцаря, дикого, но симпатичного. И только Ванзаров, по природе миролюбивый, невольно подумал, что сшибить князя хватило бы щелчка. Но обижать смазливого ребенка лет двадцати кодекс рыцаря не велит.

– Хорошо играэтэ в руську пирамида? – завел «мужской» разговор хорошенький мальчик.

– Что вы, князь, игрок из меня никакой, разве что мертвый шар положу, – скромно ответил Родион.

– Можэтэ рассчитывать на мою партэю!

– Извините, господин… эм… Стриж, у меня к князю важный разговор, – Клавдия Васильевна прихватила мальчонку под ручку. – Мы спешим, князь достал билеты на представление великого Орсини.

И безутешная вдова чуть не силой уволокла красавчика в тайные недра женского дома. А Ванзаров направился к прихожей, где его пальтишко, быть может, уже пользовали для вытирания ботинок. Но Родиона окликнули. Эльвира Ивановна наступала с решительным видом:

– Выяснили, что за труп гуляет в моем платье?

– Пока еще нет.

– Желаете, чтобы поехала с вами на опознание?

– В этом нет срочной необходимости, отложим до завтра.

– Вы обещали рассказать все, что вытрясете из Лизы.

– Непременно. Но только не сейчас.

– Могу я надеяться, что вы вернетесь к нам? – спросила Эля чуть более тепло, чем полагается малознакомой барышне.

Ванзаров обещал непременно. Но добавил:

– Прошу серьезно отнестись к моему предостережению. То, что Лиза жива, ничего не меняет. Вокруг вас таится опасность, это не домыслы. Будьте осторожны и внимательны. Угроза нешуточная. И еще раз подумайте хорошенько, кто мог желать вам смерти.

– Я постараюсь, – ответила Эльвира Ивановна.

Без наигрыша ответила, серьезно и вдумчиво. Честное слово, защищать такую девушку – одно удовольствие.

Общение с симпатичными женщинами вызывает не только прилив крови, бодрость духа и желание совершать подвиги, но зачастую и расслабление мозгов. Разум словно греется в теплых лучах красоты, и так ему это нравится, что он вешает табличку «В отпуске» и отправляется отдыхать. Нечто подобное случается даже с рыцарями без страха и упрека. Вот, например, один из них схватил пролетку на углу Пантелеймоновской улицы и опомнился только в Мучном переулке, перед дверями участка. Каким-то невероятным образом Родион перепутал адрес. Да и вообще: для чего взял извозчика? Ведь собирался вернуться в «Помпеи», чтобы задать важные вопросы госпоже Масловой. Ну, не возвращаться же обратно. Пришлось убедить себя, что это – зигзаг судьбы, значит, так и должно быть.

В этот час, а пробило уже восемь, полицейские чины Казанской части пребывали в смутном расположении духа. Пристав, любивший под конец дня устроить разговоры по душам кому-нибудь из чиновников или купцов, заперся в своем кабинете и носа не показывал. Словно и не было героической облавы. Но было доподлинно известно, что Желудь получил нагоняй лично от г-на полицеймейстера и какое-то распоряжение относительно Ванзарова. Что-то вроде исключительных полномочий. Что было уже полной катастрофой.

Месяца два назад участок был уверен, что чистюля и выскочка сделает головокружительную карьеру. Высокое начальство оказывало ему явное покровительство. Но дни шли за днями, а Ванзаров все так же сидел в углу приемного отделения. Раболепство, испытанное сослуживцами, обратилось прокисшим уксусом. Видя, что коллежский секретарь не растет по службе, коллеги принялись отыгрываться как могли. Над Родионом подшучивали, его отправляли на самые дурацкие происшествия, заставляли писать бессмысленные отчеты, в общем, делали все, на что способна изворотливая чиновничья подлость. Тем более что пристав это всячески поддерживал.

Ванзарову мстили за все сразу. За то, что ни один из них не поднимется выше своего участкового стола, за то, что мальчишка умеет раскрывать преступления. Но особенно за то, что не согласился разделять тихой радости чиновников, а именно: получать и делить «подношения» от купцов и задержанных. Слишком чист и неподкупен для полиции оказался юноша. Не зря, как видно, сослал его

подальше хитрый начальник сыска господин Вощинин.

И все это обернулось ужасной ошибкой! Молодой человек не только не утратил покровительства, но обрел его с новой силой. Иначе бы пристав так не перепугался. Что же делать бедным сослуживцам?

Родиона встретила стерильная тишина. Даже шороха перьев не слышно. В участке словно не было живых душ. А между тем все три чиновника плотно вжались в письменные столы, внимательно изучая бумаги. Каждый из них, что Редер, что Кручинский, что Матько, словно хотели стать маленькими и незаметными, а лучше всего – невидимыми. Никто не согревался чаем с бутербродами или водкой с огурцами после тяжкой облавы. Никто даже глаз не поднял.

Уловив, но не осмыслив изменения в атмосфере, Ванзаров спросил, где Лебедев. С милыми улыбочками ему сообщили, что господин криминалист изволят пребывать в медицинской.

Закрашенная белилами дверь едва сдерживала аромат, который невозможно спутать ни с чем. За столом доктора Синельникова вальяжно развалилось массивное тело в чистенькой тройке, пуская в потолок колечки омерзительного дыма. Сам хозяин кабинета не выдержал никарагуанской пытки и сбежал. А ведь имеет дело с трупами.

– Ну, рыцарь сыска, сколько вас ждать! – провозгласил Лебедев, милосердно гася сигарку в чае доктора Синельникова. – Чуть со скуки не околел.

Скинув пальто со шляпой (все-таки врачебная стерильность и все такое), Ванзаров сел на кушетку для осмотров, застланную чистой простыней, и сразу спросил:

– Удалось что-нибудь выяснить?

– Нет, ну каков нахал! – Лебедев трагически хлопнул по лбу. – Два месяца не разговаривали, а он – как ни в чем не бывало сразу за отчеты, ни «здрасте, милейший Аполлон Григорьевич», ни «как поживаете, Аполлон Григорьевич?». Буду жаловаться вашему начальству, да.

– Извините, Аполлон Григорьевич, я немного…

– И что за вид? Куда хуже барышни, которую так тщательно осматривал.

– Это пустяки. Что нашли?

– Нет, молодой человек, давно не имел счастья слушать вас, а потому требую: вываливайте, что накопали. За мной не пропадет, да.

Внезапно налетела дурнота, в глазах забегали черные мушки. Родион медленно и глубоко вздохнул, чтобы отпустило, и сказал:

– К сожалению, немного. Личность убитой установить пока не удалось. Обе предполагаемые барышни, к счастью, живы. Время убийства – в промежутке от трех до четырех часов дня.

– Да, это похоже на правду, с моими замерами совпадает.

– Очень приятно. С местом преступления сложнее. Тут только логика.

– Вытаскивайте родимую!

– Около трех часов горничная оставляет платье в зале «Помпей». Предположим, что так и было. Могли платье выкинуть, как тряпку? Нет, оно принадлежит известному лицу. Следовательно, платье взяли с определенным намерением. Что самое простое в этой ситуации? Предположить, что платье взяла сама жертва. С какой целью? Неизвестно. Быть может, чтобы просто померить красивую вещь. У женщин это бывает…

– Еще как бывает, – вставил Лебедев.

– Предположим, взяв платье, жертва одевается и уходит из «Помпей». Предположим, она живет в соседнем доме. И еще предположим, что, придя в квартиру, сразу наряжается в платье. И там же происходит убийство. Возможно?

– Как сказать…

– У нее на ботиночках чистые подошвы.

– Верно-верно – не годится эта история!

– Быть может – извозчик?

– По времени не получится. Ближайшая езда – это десять-пятнадцать минут. Да и потом: как мертвое тело везти обратно? И зачем?

– Вывод: жертва не покидала «Помпеи».

– Да уж: Credo quia absurdum[10 - Верую, ибо абсурдно.], – Лебедев крякнул, что выражало глубочайшее сомнение. – Совершить такое убийство в общественном месте? Как вы это представляете?

– Это к вам вопрос. Логика исчерпана.

И Родион «беспомощно» развел руками.

– Ну, ладно, поймали… – криминалист щелкнул невидимую пылинку с идеальных лацканов сюртука. – Я уж по-простому, с фактами, без ваших логических штучек… А факты таковы. Причина смерти сомнений не вызывает. Но дальше начинаются вопросы. Начать с того, чем сделан разрез. Глубина раны – почти до шейных позвонков. Для этого нужен не просто большой нож, а нечто вроде топора средневекового палача. Или секира.

– Или поварской тесак…

– Может быть… Не сбивайте. Самая большая проблема с кровью.

– Ее нет на платье, – не удержался Родион.

– Еще раз встрянете – замолчу навек… То-то же… Действительно, крови нет. Ее нет в теле, что не так странно при подобной ране, вытекает практически досуха. Но ее нет и на самой жертве: платье и грудь чистые. Говоря технически, такое возможно, если бедняжку подвесили вниз головой, как свинью, разрезали горло и спустили кровь. Допустим, в «Помпеях» есть мрачные подвалы, где такое

возможно. Но этому противоречит отсутствие следов веревки или иного крепежа на лодыжках и запястьях.

– Почему они должны быть?

– Человек расстается с жизнью неохотно. Она должна была сопротивляться. При такой ране тело начинает конвульсивно биться, хлещет артериальная кровь, и прочие радости. Но если бы ее хоть руками держали, остались бы легкие синяки. Но их нет. И под ногтями тоже ничего.

– Резали, а она спокойно терпела.

– И вниз головой. Как мученица первых веков христианства.

– Снотворное обнаружили?

– В том-то и дело: никаких успокоительных средств. Объясните, как это возможно?

– Сколько длилась агония?

– Не больше десяти минут.

– Должны остаться следы. Много следов. Или хоть брызги крови. И приспособление для такой казни. Все это надо найти в «Помпеях».

– Вот спасибо, научили! – Лебедев извлек новую сигарку. – Но для вас это не самое главное?

Родион в задумчивости погладил простыню:

– Удивляет, почему убийство сделано таким сложным способом. Грабеж исключен, у жертвы не было достатка: молодая красивая девушка в поношенных ботиночках. Какие тут украшения. Значит, убивали именно ее. Но куда проще – удар сзади в темном переулке. И мы год будем следы искать. А тут – демонстративно разделались. И оставили на видном месте. Не захочешь, а скажешь: казнь.

– Или предупреждение.

– Очень хорошая мысль.

– А что думаете про это? – Аполлон Григорьевич извлек скрепление стеклышек, между которыми распластана тонкая полоска кожи. Имя и значки виднелись отчетливо.

Ванзаров принял улику бережно:

– Царапины на коже ровные, рука твердая. Надписи тоже четкие. Химический карандаш и что-то вроде ножа?

– Я бы сказал: гвоздь или шило. Написать такое длинное слово, а потом взять карандаш. Устал, что ли?

– Логично предположить: время истекало. Опаздывал.

– Теперь признавайтесь: каким боком в это вляпались?

Стеклышки с кожей вернулись к законному владельцу.

– Во-первых, думаю, что фамилия Ванзаров не такая уж и редкая… – сказал Родион и вдруг окунулся в раздумья.

Лебедев вытерпел, сколько хватило сил непоседливой натуре, и громко кашлянул:

– Я вам не мешаю?

– Простите, – Родион словно очнулся. – Постарался кое-что связать… А как жертва оказалась на улице?

Криминалист погрозил пальчиком:

– Опять хитрите… Но вопрос правильный. Когда я узнал, что Вендорф отдал идиотский приказ перенести тело, сразу же отправился во двор (извините, что у вас разрешения не спросил) и, как мог, тщательно осмотрел. Думал: вдруг мои старания пригодятся какому-нибудь юному и талантливому сыщику…

– Аполлон Григорьевич!

– Какой-то вы не такой, друг мой, со здоровьишком неполадки? В городе эпидемия желудочного гриппа, градоначальник потребовал выставить у трактиров бочки с кипяченой водой, отчего многие страдают поносом. Не подхватили заразу? Из кружек общих не пили?

– Так что нашли? – смиренно напомнил Родион.

– Ну, секретничайте… В том-то и дело: ничего. Тело хоть и юное, но довольно тяжелое. Если бы его волокли или кто-то нес на себе, остались бы полосы или слишком глубокие следы. Но их не было. Снег на спине не в счет, сами понимаете.

– При этом убийца рисковал: человек с грузом всегда заметен, даже в темноте. И все равно понес. Зачем?

– А вы расскажите старику Лебедеву, что надумали, может, и поймем.

Родион опять медленно вздохнул: что-то с ним не в порядке.

– Чтобы сделать вывод, надо сложить все факты. Предположим, платье с хризантемой для конкурса красавиц…

– Так она в конкурсе участвует? – вскричал Лебедев. – О, как мило! Я пойду наслаждаться зрелищем красоток. Ух, зажигает!

– Скорее не участвует. Если сложить платье в розочках, нахождение тела в публичном месте, способ убийства, саму жертву – красивую молодую барышню – и непонятную надпись на ее руке, то получается…

– Убили потому, что нельзя быть красивой такой?

– Не совсем…

– Что за мерзкая манера: медлить и тянуть…

– Боюсь это сказать вслух.

– Ничего, я выдержу. Валяйте!

– Эта смерть одновременно «китайское предупреждение» одной милой и умной барышне – Эльвире Агаповой и… послание мне. Только вот смысл его прочитать пока не могу. Никакой связи между дочкой мыльного короля и мной не было никогда.

– Тот самый Агапов?

– Мыло «Нежное». С детства ненавижу.

– Может, за это и получили предупреждение? – Аполлон Григорьевич плотоядно усмехнулся. – Нельзя пренебрегать чистящими средствами в личной гигиене.

Родион оценил юмор кислой улыбкой и добавил:

– И зубной порошок ненавидел.

– А чего это Вендорф так переполошился?

– Никакого логичного предположения… Поможете мне в «Помпеях»?

Лебедев потянулся во все стороны, как сытый кот.

– Что с вами делать… Только хотел провести вечерок в обществе душевных актрисок, а вы тут как тут. Ладно, мучьте старика, да…

Схватив походный чемоданчик и накинув бобровое пальто, криминалист был готов, как по сигналу тревоги. Родион замешкался и с некоторым усилием

оделся.

– Нет, вы мне не нравитесь, – без тени шутки сказал Лебедев. – Простудились?

– Я же сказал: страдаю от любви…

– Вот как?.. О, чуть не забыл… – Чемоданчик с грохотом посуды водрузился на докторский столик. – Барышня, конечно, красавица, умеете трупы подбирать, просто талант, но это – радужный пузырь. Лопнет – и нет ничего.

– Что это значит?

– Жить ей оставалось недолго. Ну, года два – максимум.

– Ее отравили?

– В мышечных тканях обнаружил повышенное содержание сулемы. И это мягко сказано. Барышня напичкана ртутной солью, как гусь яблоками. Буквально непонятно, в чем душа держалась. Поэтому мой вам совет: Nimium ne crede colori[11 - Не слишком доверяйте красоте.].

– Сколько ее подкармливали отравой?

– Примерно полгода. Могу заверить: с пищей или жидкостями сулема не попадала.

– А как же тогда?

– Не знаю. Может, надышалась… – зажав сигарку в зубах и лихо размахивая чемоданчиком, Лебедев удалился. Чрезвычайно довольный собой и произведенным фокусом. А логическая цепочка, задрожав от напряжения, чуть не лопнула, но выдержала. На то она и логика: крепче стали, прочнее алмаза. Так сказать.

Строй, закованный в латы, с красными крестами на белых плащах и страусиными плюмажами на шлемах, пошел рысью. И вот уже верные кони, разгоряченные бегом, вырвались на галоп, неудержимые. Вот уже вымпелы на копьях нацелились на врага. Неистовый Коля привстал на стременах и, подняв одной рукой знамя, закричал громче топота: «Монжуа и Сен-Дени!» И повел всех за собой. Клич подхватили другие рыцари и понесли нарастающей волной, которая сметет на своем пути горы и скалы. И вот уже стальной таран ударил в ряды сарацин с такой мощью, что побежали проклятые осквернители Святой земли. И вот уж близится победа. Но тут что-то больно ударило его в затылок и плечо. Падая, рыцарь Николя прижал к себе знамя, чтобы и мертвым он мог вести товарищей вперед.

Вздрогнул и проснулся. Но кованые перила сжимал крепко.

– Хорош помощничек, нечего сказать! – проговорил громадный и грозный господин, в котором Коля с ужасом узнал великого Лебедева.

– Но фонарь держит крепко…

На другого господина можно было полагаться как на последнюю надежду. Слабую, но все же. Вскочив со ступеньки, на которую присел отдохнуть, Коля стал горячо доказывать, что не спал, а только глаза прикрыл от яркого света. Но даже с закрытыми глазами он – начеку.

– А храпел так, что лестница тряслась. Со сцены прибегали, просили тише, храп мешает представлению… – довершил криминалист.

Так опозориться! Это конец. Теперь его прогонят, и на карьере сыщика можно ставить жирный крест. Вот маменька обрадуется. Коля сник и готовился уронить слезу.

Смешно и грустно: доверился мальчишке, а он проспал. Организм молодой, требует восстановления сил. Но если упустил Маслову…

Гривцов клятвенно заверил, что старуха, то есть объект наблюдения, в зале.

– Кто-нибудь приходил? – спросил Ванзаров.

– Приказчики с материями и букетами, а больше никого.

Коля взирал на грозных судей со страхом и надеждой.

– Ну что, Аполлон Григорьевич, поверим юноше? Возьмете с собой?

– На что мне сдался этот соня?

– У него фонарь имеется казенный, вам посветит.

– Но если ваш протеже только рот откроет, возьму ланцет и язык укорочу.

Чтоб заслужить прощение, Коля был согласен на любую пытку. Родион нагнулся и тихо сказал:

– Тише воды ниже травы. Выполнять беспрекословно. А то отправлю назад в участок… Сон-то хороший?

– Атака рыцарей… – с тяжким вздохом признался коллежский регистратор. Что же еще может сниться мальчишке? Только войны, в которых ему повезло не погибнуть. Родион знал это по себе.

Криминалист с фонарем и покорным Гривцовым были отправлены на обследование помещений. А Ванзаров без стука открыл знакомую дверь.

За прошедшие часы мало что изменилось. Все так же полукругом расставлены стулья, ширмы для дамского переодевания прятались в сторонке. Только хозяйка конкурса восседала за столиком-конторкой, таким крохотным, что, казалось, раздавит его с хрустом. Лидия Карловна оторвалась от важной бумаги, замерла с пером в руке, глубоко удивленная такому бесцеремонному вторжению. Словно нашествие сарацин.

– Господин Ванзаров? – спросила она, словно не поверила такому счастью.

В этот раз юный чиновник повел себя куда нахальнее. Схватил стул, с визгом паркета протащил его к конторке и плюхнулся как ни в чем не бывало.

– Я обещал вернуться, – строго сказал он.

– Что ж, очень рада.

В голосе госпожи Масловой не нашлось и капельки теплоты. Радости – тем более.

– Три часа назад наша приятная беседа касалась платья госпожи Агаповой…

Угроза не подействовала.

– Мы расстались на том, что платья этого вы не видели. Сегодня.

– Об этом вы меня не спрашивали, – резонно заметила хозяйка. – Я говорила, что не видела Эльвиру Ивановну.

– Хорошо, пусть так. Где само платье?

– Должно быть где-то за ширмой.

– Вас не затруднит принести? Или мне самому поискать?

– Рыться в дамских вещах? – В голос вернулась стальная нотка. – Не много ли вы себе позволяете?

– Нижайше прошу проверить, на месте ли платье с розочками.

– Господин полицейский, я вам не прислуга!

– Что ж, тогда сам… – И Родион изобразил вставание.

– Если только шаг сделаете, немедленно сообщу полковнику Вендорфу, что вытворяют его подчиненные. Оскар Игнатьевич попечитель нашего конкурса. Так что…

– Хотите, сам ему телефонирую? – предложил зарвавшийся чиновник. – И сообщу, что порученному мне важнейшему розыску препятствует госпожа Маслова.

– Какому розыску? – Лидия Карловна насторожилась. – Что случилось? Что-то с Эльвирой Ивановной?

– Почему вы так решили?

– Не знаю… – она запнулась. – Вы только о ней и спрашивали. Я подумала…

– Госпоже Агаповой кто-то угрожает? Вы что-то знаете? Прошу вас, не скрывайте, дело слишком серьезное…

– Что с Элей? – чуть не крикнула Маслова.

– С ней все в порядке. Во всяком случае, час назад была у себя дома жива и здорова. Вам привет передавала.

Облегченно вздохнув, Маслова еле слышно прошептала «слава богу» и… перекрестилась. Какая, однако, заботливая хозяйка конкурса.

– Чем вызвано ваше беспокойство об Эльвире Ивановне? Мне нужно это знать… чтобы защитить ее.

Маслова внимательно посмотрела в честное усатое лицо и печально проговорила:

– Я волнуюсь за всех конкурсанток. У нашего конкурса много противников. И если что-то случится, его отменят. Никакие связи не помогут. А я столько вложила сил…

– И средств, оставленных господином Агаповым… – встрял Родион.

Она согласно кивнула.

– Все тумбы в афишах, в газетах столько рекламы, призы роскошные, вся столица только об этом и гудит. Но стоит нам оступиться хоть в чем-то, на меня повесят всех собак и конкурс отменят. Вы же понимаете, в день празднования годовщины все должно быть безупречно…

Это чиновник полиции понимал без подсказок.

– Вы встревожены судьбой именно Эльвиры Ивановны. Почему?

– Я давно знаю и люблю их семью. Не стоит тут искать тайного смысла. Лучше скажите: что случилось? Это угрожает конкурсу?

– Надеюсь, что нет.

– Господин Ванзаров, не мучьте меня…

– Разве я не сказал? Прошу извинить. Проводится сугубо конфиденциальное расследование. По личному указанию полковника Вендорфа.

– Ах, какой вы… – госпожа Маслова по-матерински вздохнула, словно жалела, что не может отшлепать шалуна.

– Так что там с платьем?

Отодвинув конторку легким толчком ладони, Лидия Карловна с некоторым трудом встала. Но от помощи отказалась. И слегка раскачиваясь, как перегруженный баркас, отправилась к ближним ширмам. Вскоре оттуда послышались шорохи перебираемых вещей. Выйдя с пустыми руками, Маслова отправилась на другую сторону зала и пропала за расписным холстом. Покопавшись и пошуршав, возвратилась ни с чем.

– Не могу понять, куда оно делось? – спросила она Ванзарова. Но объяснять чиновник полиции не стал, а спросил сам:

– Почему вы отказали от участия в конкурсе Лизе?

Госпожа Маслова не поняла вопрос:

– Какой Лизе? О чем вы? Мы никому не отказываем. Красота не знает ни возраста, ни социальных различий, я так считаю. У нас самые разные участницы. Нужно лишь добровольное желание и чтобы было в чем выйти.

– Именно так думала Лиза…

– Да о ком вы? – не на шутку разозлилась Маслова.

– О горничной Эльвиры Ивановны. Сегодня она пришла, чтобы записаться, но ее обвинили в краже платья Агаповой и фактически выгнали.

Лидия Карловна добродушно засмеялась:

– Какие глупости. Это она вам сказала? Ох уж эти барышни, такие выдумщицы. Бросит любимый, она наплачется, а потом сочинит дурацкую историю.

– Как было на самом деле?

– Да ничего и не было! Девушка эта пришла раньше собрания, что-то около трех. Спросила, можно ли еще записаться на конкурс. Я сказала, что с такими данными с радостью взяла бы ее, но все места уже заняты. Если желает, могу записать в резерв, у нас такой имеется, мало ли кто заболеет или не сможет. Она ответила, что подумает.

Если выжать женские эмоции, то в сухом остатке будут факты, не сильно отличающиеся. В конце концов, Лиза – существо истеричное, могла принять за обиду любую ерунду. Девушка как на иголках: замуж пора, а никто не берет. И красота увядает. Любая занервничает.

– А платье? – напомнил задумчивый юноша.

– Что – «платье»?

– Разве вы не обвиняли ее в краже?

– С какой стати? Она принесла его, сказав, что Эля просила здесь подержать.

– Зачем прятать здесь? Разве дома мало места?

– Вы, наверно, уже знаете… – осторожно прощупала Маслова и убедилась: знает. – Клавдия Васильевна и девочки тоже участвуют. А женщины такие существа, что даже сестре и дочери не уступят в вопросах красоты и изящества. Непременно надо быть первой. В тайне держат наряды, чтобы другая лучше не сделала. Таков женский характер.

– Понимаю, – согласился глубокий знаток предмета, чем вызвал неприметную улыбку дамы. – Лиза принесла платье, чтобы сдать на секретное хранение. Куда положила?

Ему указали на левую ширму.

– Но теперь его там нет?

Маслова только руками развела.

– Украл кто-то из ревнивых конкурсанток?

– Что вы такое говорите. Женская зависть, конечно, страшнее клинка, но у нас, слава богу, все мирно. Нарядов хватает у каждой, девочки не ссорятся…

– Можно их полный список?

Из-под стопочки листков на конторке появилась четвертушка писчей бумаги со столбиком фамилий, писанных чернилами. Черными. Как цифра в хризантеме. Около «Агапова Э. И.» красовалась заветная четверка.

– Почему в списке только одна Агапова?

Лидия Карловна несколько замялась:

– Понимаете, такая ситуация… Не совсем прилично…

Действительно, что подумает публика, если из двенадцати участниц забега четыре будут стартовать от конюшни «Агапова», да еще представлять главного мецената турнира, говоря спортивным языком? Подумает: обман и надувательство. Призы – только своим. Неспортивная игра. Плюнет общественность и больше никогда не поверит в честность конкурса красавиц. В общем, Родион оценил щекотливость ситуации.

– Под какой кличкой… тьфу ты, фамилией Клавдия Васильевна стартует? – спросил Ванзаров, хотя уже нашел подходящие инициалы.

– Выступит под своей девичьей: Лоскутова.

– То есть номер десять. Влада Ивановна под честной фамилией мужа – Вонлярская и номер шесть?

– Именно так. Ольга Ивановна – это Изжегова. Ее – первый. Очень прошу: все это между нами.

Сыскная полиция обещала хранить женскую тайну, как свою. Но списочек возвращать не спешила и к тому же занудно повторила:

– Но куда же делось платье Эльвиры Ивановны?

Лидия Карловна посветлела лицом:

– Да что же я! Ну конечно! Перед самым собранием, когда девочки уже начали собираться, зашла Вероника…

– Это кто? – перебил Родион, стараясь найти в списке инициалов первую «В». Таких нашлось две.

– Вероника Лихачева… Да вот она под номером восемь.

Действительно совпало. Рыцарское сердце дрогнуло предчувствием удачи.

– Что было дальше?

– Вероника сказала, что сможет побыть недолго, зашла за ширму, увидела новое платье и спросила разрешения померить. Я не возражала. Выскочила в нем, такая красавица, сказала, что сбегает, посмотрится в зеркало.

– Она возвращалась?

– Ой, нет… – вдруг растерялась хозяйка. – Я и забыла об этом. Столько дел, каждая лезет со своими претензиями…

– Где найти госпожу Лихачеву? Мне срочно.

– Чего проще: идете за кулисы к Орсини, она у него ассистентка. Выступление как раз началось.

Ванзаров вскочил так резко, что стул был повержен на паркет. Взволнованный юноша не замечал подобных мелочей.

– Последний вопрос: Лада и Ляля были на этом собрании?

– Сильно опоздали. Наверно, с полчаса… Вы уж и домашние имена их знаете?

– А Клавдия Васильевна?

– Тоже не вовремя. Приехала, посидела считаные минуты и отпросилась. Сказала: срочные заботы…

Сыскная полиция уже рвалась в бой, но следовало кое в чем подстраховаться.

– Прошу, госпожа Маслова, нашу беседу держать в строжайшей тайне. Особенно от Эльвиры Ивановны. Если желаете ей добра. Только в этом случае обещаю, что о ваших маленьких фокусах с фамилиями не будет известно прессе.

Родион исчез так быстро, что не заметил, как женщина схватилась за сердце. А полным нельзя волноваться.

Распорядитель «Помпей» со звучной фамилией Циркин, только услышав про «особое поручение» от полицеймейстера Вендорфа, беззвучно согласился на все и даже выдал провожатого «мальчика». Служивый мальчонка был покрыт морщинами и имел статную выправку образца середины века. Но службу нес исправно до сих пор.

Лебедев приказал начать с подвалов. Впереди, как и полагается факелоносцу, торопился Николя Гривцов с потайным фонарем, боясь лишний раз оглянуться. Уж больно грозен спутник. За Лебедевым семенил мальчонка, просивший называть его Демидом: он, не замолкая, сообщал лишние, ненужные и безумные сведения о «Помпеях». По его мнению, концертный зал разбили как раз на месте древних стоянок первобытных людей, после чего здесь долгое время находился языческий храм, а когда Петр Великий додумался соорудить на этих местах свою столицу, было поставлено жилое строение, заранее проклятое. Как и воздвигнутый храм разврата и бесовщины, по мнению Демида. Как видно, распорядитель специально подсунул его полиции: мальчонка умел допекать изумительно. Так, что Лебедев терпел на последнем пределе.

Тайная надежда сразу найти место убийства не оправдалась. Подвал, конечно, был. Но, по моде петербургских домов, войти в него мешала вода, стоявшая по щиколотку. Произвести в сырых условиях сложную экзекуцию невозможно. На жертве или на платье неминуемо остались бы следы.

– Что ж ты, паразит, сразу не мог сказать, что подвал затоплен? – с таким гневом рыкнул Лебедев, что у Коли затрясся фонарь. – Только время потеряли!

– Болото! Оно и есть того! – со значением сообщил Демид. – Пожрет вертеп разврата! Так-то!

Дальше на очереди была отопительная. В стенах «Помпей» были проложены пустоты-каналы, по которым подавался теплый воздух. Помещение согревалось на манер русской печки: экономично и жарко. Но в кочегарке, поставлявшей горячую атмосферу из нагретого котла, нашлась только россыпь угля да парочка веселых истопников, приглашавших сразиться с бутылью деревенского самогона. Капаться в угле Лебедев побрезговал, чутье говорило, что бесполезно. А прочих следов не имелось. Если не считать объедков, оставленных веселой компанией.

Аполлон Григорьевич пребывал в тоске. То же чутье шептало, что дело затеяно бесполезное. Именно это и злило больше всего. Еще не родился такой преступник, что скроет следы от Лебедева.

– Чудище, веди на кухню! – потребовал он у мальчонки.

Теперь уже Николя был отправлен в арьергард. В кухонной части суетились повара, бегали поварята и кричал на всех шеф-повар. Появление посторонних, да еще с Демидом, он встретил агрессивно: вечер в разгаре, в ресторане подача за подачей, а тут шляется кто ни попадя. Но Лебедев быстро объяснил, кто тут будет распоряжаться. Впрочем, на этом победы закончились. Даже если представить, что здесь разделали человека, найти следы практически невозможно. Пол часто протирался шваброй, а ножи то и дело попадали под струю воды. На разделочных местах следов крови много. Но она скорее всего – рыбья, птичья или коровья. В лаборатории отличить непросто, а так, с ходу – невозможно. Одно успокаивало: слишком много свидетелей. Даже если бы начали потрошить девицу, кто-нибудь наверняка удивился бы. Или хоть спросил: «Это для какого блюда?» А новый шеф-повар так дорожит репутацией заведения, что скорее бы сам зарезался, чем дал испортить кухню. Несолоно хлебавши компания двинулась дальше.

Демид провел по всем черным лестницам и закоулкам «Помпей». Места было много, попадались уголки, вполне пригодные для убийства, но ничего конкретного обнаружить не удалось. Даже Лебедеву. Несколько раз он приседал над бурой лужицей, требуя от Коли светить как следует, но быстрый осмотр обнаруживал грязь и ничего более. Обошли все этажи, побывали во всех залах, включая гардероб, не забыли зимний сад, заглянули во все комнаты, распугав актрис, переодевавшихся после номера, и даже разбудили комика Фистул-Александрова, сладко сопевшего на диванчике гримерной. Только никаких улик от всей этой суеты не прибавлялось.

– Где тут кладовки или склад какой-нибудь?

Демид поднял палец до небес:

– Внизу у сцены хранилище имеется. Место позорное и проклятое! Пусту ему быть!

– Веди, изверг, – устало согласился криминалист.

Глухая ниша с правой стороны сцены темнела пещерой. Света от потайного фонаря хватало, чтоб разглядеть уходящие вверх куски декораций от различных представлений. Сюда отчетливо доносились звуки со сцены и реакция зрительного зала. Деревянные рамы с натянутым полотном стояли, как картины в магазине, плотно друг к другу. Кое-где виднелись ширмы и железные рамы. В сторонке помещались принадлежности для тушения пожара.

Лебедев приказал светить на пол. Прояснились затертые доски с множеством сколов и царапин от перемещаемых грузов. Пройдя по половицам, эксперт вынужден был признать то, во что никогда не мог поверить: свое полное поражение. Или в логике Ванзарова крылся дефект, и убийство произошло не здесь, или…

Аполлон Григорьевич отказывался признать, что какой-то «мясник», как он окрестил убийцу, может быть умнее его. И предусмотреть все. Так, чтоб капельки крови не осталось. Нет, точно умник-логик ошибся.

Покидая склад декораций не в лучшем настроении, Лебедев уже намеревался сорвать злость на Демиде, как вдруг на противоположном конце сцены нарисовался знакомый силуэт.

Маленький Родион не любил фокусы. Вернее, сначала очень любил их. Настоящее чудо приводило ребенка в восторг: из колоды появляется задуманная карта, свеча гаснет от мановения руки, и вообще предметы вырастают из воздуха. Но когда братец цинично объяснил ему, что чудес не бывает, а все фокусы – обман и надувательство самой чистой пробы, Родион обиделся. Да так, что, быть может, именно из-за этого решил бороться со злом и пошел в полицию. Закон и порядок от этого только выиграли, а фокусы проиграли окончательно. К сценическим чудесам Ванзаров испытывал непреодолимое отвращение. В общем, фокусы отняли у Родиона веру в чудо. Так вот и рождаются отъявленные логики.

Вот и сейчас, стоя за кулисами, он пропитывался раздражением, как огурец рассолом. И было от чего. По сцене с надменным видом вышагивал бодрый старичок ростом с высокого карлика, в огромном цилиндре и нагло

карикатурных усах. Великий Орсини казался мелким существом с большими амбициями. Он так изысканно и самозабвенно кланялся, что было ясно: все эти фокусы только для того и делаются, чтоб сорвать дешевый успех. Хотя не такой уж дешевый, судя по переполненному залу.

Публика принимала наглый обман на ура. Взрывы аплодисментов, переходящих в овации, встречали каждый трюк. По сцене летали отрубленные головы. Отсеченная рука тушила подсвечник, висящий в воздухе. Скелет человека оживал и двигался по авансцене, доводя до визга дам. Фокусы были откровенно кровожадного толка. Маэстро «древней, египетской и современной магии», как уверяли афиши, тяготел к членовредительству. И все равно зрительный зал надрывался криками «браво».

С того места, откуда фокус смотреть не полагается, Родион видел тонкие веревки, незаметные тросы и подпорки. Все тот же наглый и бессовестный обман. Ничего не изменилось, а стало только хуже. Фокуснику помогал высокий чернявый ассистент. Впрочем, помощь не особо требовалась: маэстро старался все делать сам, то ли не желая делиться славой, то ли боясь разоблачения от неумелого движения. Никакой ассистентки рядом с ним не было. Казалось, ее очень не хватает. Частенько Орсини делал отработанный жест как для партнера, натыкался на пустое место и продолжал импровизировать.

Выступление неслось к финалу. Сорвав овации, маг шагнул к краю рампы и попросил выйти из зала даму, только самую храбрую, не боящуюся призраков. Зашелестели взволнованные голоса. Кажется, кто-то поднялся из кресла, но всех опередила зрительница, которой фокусник подал руку и помог подняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По старому стилю. По новому стилю 30 октября.

2

Полотнища, перетянутые через улицу на веревках.

3

Научитесь радоваться!

4

1 пуд = 16 килограммов.

5

Нет семьи без пятнышка (лат.).

6

Как труп?

7

Старинная мера жидкостей, 1 штоф = 1,25 литра.

8

Да, мой генерал! (фр.)

9

Виды официально зарегистрированных проституток.

10

Верую, ибо абсурдно.

11

Не слишком доверяйте красоте.

Купить: https://tellnovel.com/chizh_anton/aromat-krovi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити